

Цикл "Шесть байт творения"
Андрей Вичурин

Байт II

Блуждающие
лабиринты
Гиннунгагапа

16+

Андрей Вичурин

Байт II. Блуждающие лабиринты Гиннунгагапа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51566896

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-07318-0

Аннотация

Жизнь главных героев продолжается, принося не только потери и разочарования. Времени для принятия решений у них остается все меньше и меньше. Миры лихорадит, сплетая реальность и виртуальность, в один безумно сложный узел, который, кажется, легче разрубить, чем распутать. Герои по-прежнему пытаются жить, не выбирая между добром и злом, игрой и реальностью. Не все из задуманного получается так, как планировалось, но – получается! И они уверенно движутся к намеченной цели, стараясь спасти Землю и прилегающие к ней области Галактики от исчезновения.

Содержание

I	4
II	15
III	26
IV	38
V	53
VI	66
VII	83
Конец ознакомительного фрагмента.	88

I

«Возможно, наша роль на этой планете не в том, чтобы почитать Бога, а в том, чтобы создать его. И тогда наша работа будет сделана, и настанет время игры». Артур Кларк

Демииург (Настоящее имя не может быть произнесено)

Антон Кириллов

Всеслав (Ян)

Вне времени и пространства.

Мы сидели в баре.

Да, в обычном земном баре, с приглушенным светом, ненавязчивой музыкой и высокими деревянными круглыми табуретами без спинок, за стойкой из красного мрамора, со стеллажами для спиртного и напитков, напротив.

Я с наслаждением потягивал светлое горьковатое пиво, обычный ирландский Guinness, а Демииург с явным удовольствием смаковал какой-то коктейль, какой, – не знаю, я в них не особо разбираюсь. В эту встречу, он предстал перед нами в виде импозантного мужчины – шатена, с аккуратно стриженной в стиле Ван Дайка бородкой, в мягких парусиновых мокалинах и таких же светлых брюках, в рубашке без ворота из некрашеного льна. Видимо, он проникся нашей реакцией на его настоящий вид, и не хотел, чтобы мы отвлекались на приступы ксенофобии.

Все выглядело довольно буднично, не считая личности гостеприимно принявшего нас хозяина, и факта осознания того, что мы находимся неизвестно где, и неизвестно в когда.

Ян пребывал в явно расстроенных чувствах, и причина его плохого настроения оставалась мне неизвестна. Я вспомнил, где и когда видел его. На соседнем холме, когда привел туда квадрокоптер. Это он грозил моей голограмме кулаком.

– Всеслав! – обратился к нему Демиург. – Печалью горю не поможешь... Но могу сказать, – не всегда нечто, воспринимаемое нами, как единственно возможная данность, на самом деле ею и является, – единственно возможной и окончательной...

Я не понял, о чем речь, но, видимо, Ян прекрасно понял. Он внимательно посмотрел на Демиурга, затем его взгляд ушел куда-то в себя, а еще через минуту прояснился. Чуть дернув в улыбке губы, Всеслав согласно кивнул.

– Предвосхищая Ваш интерес, сразу скажу, – со всеми вашими спутниками все в порядке. Они обустроены и ни в чем не нуждаются. А теперь, пожалуйста, можете задавать вопросы! – ободряюще улыбнулся Демиург. – Я же вижу, как вам не терпится!

Мы с Яном переглянулись, он пожал плечами, мол, спрашивай ты...

Хорошо.

Я посмотрел, как Демиург с закрытыми глазами и выражением полного удовлетворения от процесса на лице гоняет

по нёбу малюсенький глоточек коктейля, и спросил:

– А почему так много красного?

Демидург одними глазами улыбнулся и совершенно серьезно ответил:

– Потому что кровь – красная, – он внимательно посмотрел на нас. – Это цвет моего кластера. Красная кровь, присутствующая практически всем населяющим мой кластер существам, за редким исключением в которое попали некоторые виды моллюсков, осьминогов и членистоногих. Цвет крови определяется железосодержащим гемоглобином, а состав крови почти у всех существ одинаковый и приближен к составу океанической воды.

Голубая кровь, цвет которой определяется медесодержащим гемоцианином, в моем кластере уже почти не встречается. Раньше ее было намного больше, но тогда проводились эксперименты по панспермии, а когда они закончились, минеральный состав, присущий космическим телам моего кластера, сыграл свою роль. Поэтому, если кто-нибудь будет вам доказывать, что его кровь голубая – не верьте, врут, как пить дать! Существа с голубой кровью живут в кластерах у других Демидургов.

– А что, Демидургов много?

– Ну, не всех их так зовут, но да! – он с удовольствием потянулся, расправляя плечи. – Мы иногда встречаемся.

Похоже, на эту тему ему говорить не очень хочется. И словно прочитав, скорее всего даже именно прочитав мои

мысли, Демиург заверил:

– Дело не в том. Не такая уж и секретная это информация, просто не принято у нас обсуждать коллег, и рассказывать о других. Если интересно, почитайте Даниила Андреева, он не все смог описать, но многое увидел, справедливости ради надо заметить, – суть передана в целом правильно. «Роза Мира», если угодно. Могу рассказать только о своем кластере, коль есть интерес.

– Конечно, пожалуйста! – я посмотрел на Яна, тот тоже утвердительно кивнул.

– Чтобы не перегружать повествование новыми названиями, непривычными для вашего слуха, буду использовать термины, принятые в вашей науке, я думаю, они вам знакомы.

Итак. Мой кластер... В пространстве он представляет собой некий октеракт. Это аналог куба в восьмимерном пространстве или восьмимерный гиперкуб, – он прямо в воздухе изобразил объемную псевдосферу, которая состояла из голубых точек и светящихся связей между ними. Что-то мне эта сфера смутно напоминала.

– Ваша Земля – здесь! – он ткнул коктейльной соломинкой в одну из точек, и та замерцала ярко – оранжевым светом. Потом он стал раскручивать соломинкой эту точку, пока та не начала расти, потихоньку светлеть, голубеть и не превратилась в маленькую копию Земли с шариком Луны, вращающимся вокруг нее.

– Как вы видите, можете даже посчитать, тут 256-ть ми-

ров. Причем, мир – это осознавшая себя реальность, обладающая развитой мыслесферой. И это только доступный для восприятия человека четырехмерный слой. В целом, Макрокосм выглядит как русская матрешка, где слои вложены один внутри другого. Поэтому, правильно было бы говорить не о слое, а о некоей многослойной сфере, где миры располагаются по поверхности слоев. Но для простоты, будем называть их слоями. Ниже, так сказать в глубине сферы, находятся слои другой мерности, плотности и доступности для Света. Чем ближе к центру «матрешки», тем меньше измерений, тем меньше Света и движения, тем больше плотность ткани миров. Центр неподвижен полностью, там отсутствуют пространство и время. Масса центра при практически нулевом объеме, сопоставима с массой всего Макрокосма, а плотность вещества такова, что при следующем Большом Взрыве его хватило бы на все вселенные.

В противоположной стороне от моего кластера, так сказать вверху, – миры с меньшей плотностью материи, с возрастающим по мере удаления от Центра количеством измерений и Света. Чем выше, тем разреженнее материя, постепенно переходящая в энергию все меньшей плотности. Последний слой – чистое, ничем не отягощенное время с бесконечной мерностью.

Так же легко просматривается, – продолжал Демиург с видимым удовольствием, утрированно лекторским тоном, – что каждая точка в слое соединяется с восемью соседними

связями, которые представляют собой каналы перехода между мирами. И только по одному каналу, вверх и вниз.

Повторяю, – каждый мир соединен только с определенными другими восемью мирами сферического слоя, и не более. И всего по одному, сверху и снизу. Если на то, конечно, не будет воли Хранителя.

Да, не балует его жизнь собеседниками. Хотя, чего там, от нас не убудет, послушаем, ведь интересные вещи рассказывает мужик. Х-м... Демиург. Пускай покуражится, выговорится, скучно ему тут самому, наверное.

Видя, как он вопросительно поднял бровь, я поинтересовался:

– Насколько я понял, – если есть необходимость попасть из точки А в точку Б, не соединенные между собой, то возможность такая, в принципе есть, да?

– Вы правильно поняли, Антон, – подтвердил хозяин, – но злоупотреблять этим не стоит, потому как на создание новой связи энергии тратится на порядки больше, чем необходимо для поддержания десятка уже существующих.

– Вы сказали, что Ваш октеракт состоит из двухсот пятидесяти шести миров, а у других Демиургов тоже так?

– Нет. Во-первых, в моем октеракте не хватает одного мира, – он ткнул соломинкой в точку, в отличие от других серого цвета.

– Во-вторых, еще один из миров на грани исчезновения, – он указал на по-прежнему медленно вращающуюся перед

нами Землю.

– Не у каждого из них такое же количество миров. Где-то еще не достаточно осознавших себя реальностей и не набран октеракт, где-то было угасание, но, касаясь затухания миров, – это тема для отдельного разговора. Мы к нему еще вернемся.

Да, октеракт из 256-ти кластеров называется Астр, а октеракт из 256-ти Астров, соответственно – Рангарайдр.

Пока Рангарайдр не полон, как не полны Астры и еще ниже кластеры его составляющие – он будет развиваться до полного заполнения. Потом Мироздание ждет некий период равновесия, продолжительность которого зависит от многих факторов, а затем неотвратимое угасание до полного исчезновения.

Затем Цикл повторится.

Так уже было бесконечное количество раз, так еще будет бессчетное количество раз. Но есть, как говорится, нюансы... Насущного, так сказать, момента существования, но, мы к ним вернемся чуть позже, когда иссякнет ваше любопытство. Продолжаю...

Ян невежливо перебил:

– Почему Объединитель миров?

Демиург без малейших признаков недовольствия ответил вопросом на вопрос:

– Если есть те, кто создает миры, то почему бы не быть тем, кто их объединяет? А, Создатель? Но думается мне, что

Вам придется еще выступить и в роли Защитника. Кто же, кроме Создателя, защитит выстраданный им Мир и кто, кроме него, возьмет на себя ответственность за происходящее в созданном им мире!?! – он с улыбкой посмотрел на опешившего Яна. – Тем более, – в моем кластере не хватает одной единственной осознавшей себя полноценной реальности! Может быть, успешно отстояв свой первый Мир, Вы захотите создать еще один? И именно Вы поможете ему выстоять и преобразиться, ведь Вы его отец! Как, впрочем... Х-м... Антон! Могу я попросить Вас принести лежащую на заднем сидении Вашего автомобиля вещь?

Я сначала не понял, о какой вещи идет речь, но Демиург жестами изобразил нечто квадратное. Ясно! Интересно, зачем она ему понадобилась?

Быстро смотался по светящимся указателям на балкон, где по-прежнему в унылом одиночестве скучал прокатный «пони». Взял переданную матерью шкатулку и, вернувшись в бар, водрузил ее на стойку между Демиургом и Яном.

– Откуда она у тебя? – тихим сдавленным голосом просипел Всеслав, едва рассмотрев, что стоит перед ним.

– От матери, – не стал скрывать я.

– ТВОЕЙ матери? – еще тише выдавил он, выделяя первое слово.

– Ну, да. Чьей же еще?

– Тво-ою мать! – совершенно неожиданно отреагировал Всеслав. Тяжело поднялся, подошел к полке с напитками,

выбрал чего позабористее и приложился прямо к горлышку, предварительно содрав дозатор.

– Чего это он? – недоуменно обратился я к Демиургу.

– В шоке папаша, – хмыкнул тот.

– Не понял...

– Да чего уж тут непонятного? – деланно удивился Демиург, – Кроме того, что Всеслав, – Отец осознавшего себя Мира, он еще и по совместительству, – отец Объединителя миров! Твой отец, Антон!

Немая сцена, возникшая после этих слов, достойна, быть запечатлена пером классика, но, по причине отсутствия обоих, – и пера и его гениального юзера, так и осталась лишь слегка затянувшимся мгновением.

Когда оно благополучно истекло и наши с Всеславом лица приобрели осмысленное выражение, хозяин продолжил:

– Как видите, не только гений – парадоксов друг, но, и вы сами! Особенно Вы, Антон! Я вижу, у Вас есть вопросы? Не стесняйтесь, задавайте!

Я, с трудом переварив предыдущую новость, совершенно не жаждал следующей. Повременил бы Демиург, не гнал коней! Тем не менее, справившись со своими эмоциями, спокойно спросил:

– Если я правильно понял, Всеслав – мой отец?!

– Вы правильно поняли, молодой человек!

– Так мы с ним почти одного возраста!

– Ну, это Вы дорогой мой, утрируете! Позвольте, Вы ка-

кого локального года рождения по летоисчислению Земли?

– Две тысячи девятнадцатого.

– А батюшка Ваш – тысяча девятьсот девяносто второго!

Кстати, какой сейчас здесь у нас год?

Вмешался подошедший Ян:

– Все ясно... Для того чтобы не знать в, где мы, достаточно не представлять в, когда мы! В этом и есть Ваш загадочный парадокс?

– Отчасти да... – в этот раз Демиург был явно раздосадован, однако, вдруг востепенел, и с улыбкой продолжил: – На самом деле, не так уж важно, что мы сейчас в нигде и в никогда! Парадокс вот! – он указал рукой на меня.

– И в чем же это? – удивленно спросил я.

– Не в чем, а в ком! В Вас молодой человек! – он обличающе направил указательный палец мне в грудь.

Пауза слегка затянулась...

Всеслав не выдержал, вся его предыдущая зажатость перед хозяином бесследно исчезла, – вот что хороший глоток животворящей влаги делает!

– Ну! Ваше Демиуржество!

Хозяин убрал изобличающий перст и, не обратив никакого внимания его на паясничанье, с легким полупоклоном в мою сторону сказал:

– Вы, молодой человек, – единственный из людей были зачаты одновременно в двух мирах! А Вы, молодой человек! – он слегка поклонился Всеславу. – Единственный из извест-

ных мне людей, которому удалось это сделать! Не считая, конечно, Вашей избранницы, ставшей матерью этого юноши! О, если бы она догадалась разрешиться беременем так же в двух мирах! Насколько все оказалось бы проще!

Он в задумчивости пожевал губами. Потом взгляд его прояснился.

– Ну, ничего... Подумать только! – Демиург счастливо рассмеялся. – Именно в моем кластере будет рожден первый мир, созданный не только Волей и Словом, но и техническим прогрессом, так сказать, пеной первичного Созидания! После их объединения, конечно, – быстро поправил он сам себя.

II

«Между создателем и богом большая разница. Работа создателей не из легких, ведь они создают места. А богов создают люди. И это многое объясняет». «Последний континент». Терри Пратчетт.

Демииург (Настоящее имя не может быть произнесено)

Антон Кириллов

Всеслав (Ян)

Вне времени и пространства.

Через некоторое время, необходимое для того, чтобы мы с Всеславом допили пиво, переваривая новость, а Демииург сделал себе еще один коктейль, разговор возобновился.

– Совсем недавно один из жителей Мира поведал мне, что их мир стал самостоятельным, – начал я.

– Это не совсем так, – возразил Демииург. – Я попробую объяснить... Представьте себе знак бесконечности. Знаете, почему бесконечность, обозначают именно им?

– Это же просто! Бери и води по знаку пальцем! Это можно делать бесконечно!

– В общем-то, я такого ответа и ожидал. В принципе, да, все правильно. Однако есть одно небольшое «но», которое все и усложняет, и облегчает одновременно. Если бы знак в действительности был такой, как Вы говорите, Антон, то мы имели бы просто-напросто два соединенных между со-

бой нуля, чем в настоящее время, собственно говоря, и являются Земля и отделившийся «Мир». Граница между двумя нулями присутствует но, она преодолима, и этим пользуются некоторые жители отделившегося «Мира». Обитателям Земли пересечь эту границу труднее, потому что они используют не те виды энергии, которые для этого необходимы но, в скором времени и они смогут посещать тот «Мир». А дальше... Как Вы думаете, Всеслав, что будет дальше?

– Ну-у, по-моему, тут и до гадалки ходить не надо! Начнутся войны, связанные с разделом сфер влияния?

– Да-а... – я тоже проникся обозначившимися перспективами. – Одни будут бить по площадям массовыми заклинаниями высшего уровня, а другие, ничтоже сумняшеся, лупанут в ответ ядерными зарядами!

– Скорее всего, так и произойдет, – подтвердил Демиург. – Но есть и другие варианты развития событий. Однако ни для одного из них нет положительного прогноза, а потеря времени приведет к разрушению большей части моего октракта, чего я, как отвечающий за этот сектор мироздания Хранитель, допустить не могу. Соответственно, я вынужден принимать решения, которые мне тоже, честно говоря, не по душе.

Есть несколько способов устранения назревающей проблемы, о них и поговорим.

Первый, который напрашивается сам собой, – насильно разделить эти два изолированных мира, окончательно отре-

зав их от остальной части мироздания, поместив их в такие области пространства, где они не будут мешать общему развитию Вселенной и будут существовать, постепенно затухая, до полного исчезновения. Это отнимет у нас некоторые силы, но это возможно.

Вариант второй, – сил уйдет больше, и он более радикален. Просто уничтожить оба мира, так как это будет меньшим из зол, имея в виду вселенский генезис. Но оба варианта плохи тем, что кроме огромных затрат энергии и, неоспоримо негативной нравственной составляющей, мы теряем, по крайней мере один мир, который мог бы получиться из этих двух!

И вот тут мы подходим к третьему варианту, к осуществлению которого вы, не зная того сами, и приступили.

Вы, Всеслав, создали «Мир», наделили его возможностью самосовершенствования, чем часть его и воспользовалась, отделившись от Земли, как только осознала себя. Но, не обладая изначальными динамическими пространственными координатами, которыми наделены все рожденные в момент Большого Взрыва миры, она занимает те же координаты, что и Земля. К тому же, со всем уважением к Вам, Всеслав, созданный Вами «Мир» не имеет связей со слоем кластера, так же, как и с верхом и низом сферы миров. Поэтому по мере все большей материализации вызывает нестабильность, которая грозит не только Земле и галактике Млечный путь, но и всем прилегающим к ней галакти-

кам и мирам ввысь и вглубь сферы.

Возвращаясь к знаку бесконечности, скажу, что он представляет собой не две переходящих одна в другую окружности, а фигуру, которую у вас называют «петлей Мебиуса», – она бесконечна в конечном объеме, и не имеет ни внутренней, ни внешней, ни верхней, ни нижней сторон. Это не Уроборос, пожирающий свой хвост. Это базовый способ существования пространства на три слоя ниже нашего, – двумерная петля. Как Вы правильно заметили, – бесконечность существует только в движении. Если обрезать эти вектора, то получится что? Правильно – крест! А это у многих разумных – символ полной остановки движения, которое есть – жизнь.

Какое отношение к этому имеете вы?

Самое непосредственное.

Если бы Вам, Всеслав, и Вашей матери, Антон, не пришла идея зачинать Вас в виртуале то, скорее всего, «Мир» так и остался бы умозрительным проектом, существующим только в виде электрических сигналов в созданных людьми машинах и данных им Творцом мозгах.

Но Вы, Антон, получили не только искру, даруемую разумным их Создателем, но и нечто, что заменяет эту искру у программного кода, которым и являлся весь проект «Мир». Являлся, до момента Вашего зарождения. Некий бит, аналогичный этой искре. С этого начался процесс проявления «Мира» вовне.

Не только «Я» существует, потому что есть Макрокосм, но и Макрокосм существует благодаря тому, что есть «Я». В вопросе первичности Бытия и Сознания, Мир явно вторичен. Он появился благодаря устремлению «Я» Всеслава и Вашей мамы и осознал себя при появлении в нем Вашего «Я».

Вы, Антон, то необходимое звено, та связь между Миром и Землей, которая превратит два сцепившихся нуля в единую бесконечность. Даст возможность объединившейся сущности не только стать полноценным миром в моем октаракте, но и превзойти другие миры по многообразию форм развития и самовыражения. Вы – тот вектор, который продолжает статичный крест и делает возможным соединение двух нулей в бесконечную петлю.

– И что же я должен делать, чтобы соединить их? Честно сказать, последние дни основательно выбили меня из колеи. Да и не гожусь я на роль вершителя судеб миров. Со своими проблемами не могу разобраться, а тут... Может быть, все это какая-то шутка? – с детской надеждой спросил я.

– Было бы хорошо, если бы это было так, – ответил Демидур, с немалой долей сочувствия. – Только, Вы сами видите, что происходит на Земле. Или Вы не смотрите новостей? Отделившийся «Мир» переживает то же самое, с поправкой на его, так сказать, виртуальности. А что творится в зоне их соприкосновения?

– Вы хотите сказать, что во всех катаклизмах виноват я? – поинтересовался я, испытывая устойчивое ощущение, что

упускаю нечто, или не могу вспомнить.

– Ни коим образом так прямолинейно. Вы оба имеете к этому отношение! С момента Вашего зарождения количество аномалий всевозможного характера растет. Это обусловлено диссонансом, вносимым материализацией Мира, его попыткой встать на уже занятое место и, как следствие, проявляющимися очагами Хаоса, которые сопровождают эти попытки. Видимые катаклизмы – это вовремя локализованные Белыми Иерархами очаги проникновения Хаоса. Если им не противодействовать, то ваше создание, – Демиург указал на Всеслава, – уничтожит и себя, и Землю, в лучшем случае. В худшем же... Если адептам Хаоса удастся отторгнуть из моего кластера Землю, действуя через Мир, – нарушится вселенское равновесие.

Касаемо извечного вопроса всех homo, «что делать?» Кстати, у других форм жизни, тех же инсектоидов, к примеру, такого вопроса попросту не существует. Так вот.

Вы, Антон, сам по себе ключ от двери, соединяющей миры. Они будут обращаться к Вам в попытках выжить и, вот тогда от Вас потребуются правильные и, что не менее важно – своевременные, решения. Да, и главное – действия.

И еще одно, нет первое, маленькое, но обязательное условие...

Я, выражая печаль по поводу того, что Ваша мама не догадалась пустить Вас на свет одновременно и в виртуале, сожалел только об упущенном случае приобрести Вами, Ан-

тон, огромную резистентность к обоим мирам. Вас стало бы практически нельзя уничтожить. А вместо этого мы имеем то, что Вашей личности нельзя сильно рисковать ни в одном из миров! Последствий может, как и не быть, так и наоборот: они могут быть необратимы.

Я подумал о накрывшихся медным тазом всех моих экстремальных увлечениях. Всеслав точно будет против любого моего риска. Теперь не до того, – мир спасти надо, итить колотить! Странно это, оказалось, – думать не только о себе, но и о чувствах других, близких тебе людей. Странно – раздражительно и одновременно... Тепло, что ли?

– Хотя они, я имею в виду всех виновников галактического каламбура, и будут охранять Вас, как некий гарант стабильности, – продолжал тем временем Демиург, – но всегда имеет место нелепая случайность, злой умысел, или простое стечение обстоятельств. И именно в этот момент, рядом с Вами и должен находиться Защитник, которым, благодаря каким-то капризам мироздания, оказался Ваш отец. И главное, у него есть все возможности, чтобы Вас защитить, даже если он о них пока и не знает.

– О каких возможностях Вы говорите? – встрепнулся Всеслав.

– Вы создали мир со своими правилами и со своей логикой, – вот ей и следуйте! – улыбнулся Демиург ему в ответ.

– Да, у меня еще вопрос! – тот как в школе поднял руку. – Вы, ваше Демиуржество, упустили еще один вариант разви-

тия событий. Четвертый. И самый простой, по-моему...

– Я ничего и никогда не упускаю, уважаемый Всеслав! – отрезал Демиург. – Если Вы о том, что можно предотвратить Исход, то да, время еще есть. Целый год впереди. Но, вынужден не согласиться. Процесс запущен. Мир пробудился. Антон получил свою виртуальную искру. Вы хотите, чтобы он не появился на свет, уйдя в небытие, так и не родившись, вместе с «Миром», который Вы намерены убить?

– Но... Погибнут миллиарды! Миллиарды ни в чем не повинных...

– Вы хотите убить Антона?! – пораженно перебил его Демиург. – Вы хотите отдать жизнь единственного сына?! За никчемные толпы бездельников, бездарно и глупо распорядившихся своим даром жизни, поставившим душу на золотого тельца и проигравших ему?

– М-м-м...

– Простите... – он по-новому посмотрел на Всеслава. – Я это уже видел. Сравнительно недавно. Дежавю, знаете ли... Да-а! А Вас не зря почитают в Мире, как Создателя... Не зря! Но, подумайте, не принимайте поспешных решений! Быть Создателем – это... Это так одиноко! Не делайте второй шаг по этой стезе!

– Нет! – твердо заявил Всеслав, а Демиург ощутимо вздрогнул. – Нет! Если есть другой способ, да и если его нет, Антона я в обиду не дам!

Демиург выдохнул с заметным облегчением.

– Фу-ух! Простите! Должен объясниться. Я целиком поддерживаю Ваше, Всеслав, решение. Не потому, что чувствую к Антону какое-то предрасположение, без обид, не потому, что жажду смерти сонма безвинных душ, – я далек от ваших стандартов чувств и оценок. Мне во благо все приносящее благо кластеру. И только. Поэтому объясню.

Во-первых – как я уже сказал, поздно. Процесс запущен. Мир отделится, и тут уже не играет никакой роли, сейчас или через год. Миллиардом больше, миллионом меньше... Не существенно. Он все равно отделится и все вернется на круги своя. Пускай не через год, – через пять. Все равно!

Во-вторых, – прошу Вас, Всеслав, и заклинаю! Никогда не заменяйте качество количеством! Примеры уже были. Чуда, к сожалению, не произошло. Я отдаю должное упорству Создателя и Его вере в свое творение, – человека, но я служу Изначальным Богам.

– Получается, что все описанное в Библии, – правда? – слегка не в тему задумчиво произнес Всеслав.

– В целом, да, – подтвердил хозяин. – Он, я бы сказал, Творец от Бога, но, это будет простой тавтологией. Все происходило именно так и в описанном порядке, – я имею в виду само Творение. Остальное, – людские домыслы. Он больше никогда не приходил на Землю. Сына посылал, да. А сам? Нет, не возвращался. Я уже сказал, – Он истинный Создатель. Его предназначение – Творить. А все остальное, второстепенно. Представьте себе великого художника, отслежи-

вающего ежесекундно судьбу и постоянно обеспокоенного условиями, в которых оказались тысячи и тысячи написанных им когда-то картин. И хороших, и плохих. Это не просто нереально, – это совершенно невозможно! Люди зря ждут от него иного.

– И то, что вначале было Слово, тоже, правда? – недоверчиво спросил Всеслав.

– Безусловно! – подтвердил с улыбкой Демиург. – Он Творил восемью слоями выше, где созидаящая вибрация Слова имеет непреложность Закона. Представляете, ЧТО и КАК надо говорить, чтобы получить полноценный Мир? Не зря Его считают Величайшим! Я даже не могу вообразить, как Он через семь ниже лежащих слоев проявлял ваш уровень! Это – божественное мастерство высшего разряда, восходящее к Абсолюту!

– А, кто такие Изначальные? – меня действительно интересовала тема, походя затронутая нетривиальным хозяином.

– Те, кто Были с самого Начала, – устало и печально пояснил Демиург. – До всего. Именно они создали Мироздание. И меня. И Его.

– Как же получилось так, что они оставили Землю? – не обратив внимания на реакцию хозяина, допытывался я.

– Их время ушло... – задумчиво произнес Демиург. И добавил: – Впрочем, каждому фрукту – свое назначенное время. И место. Под Солнцем и другими светилами, – и, стряхивая наваждение, предупредил:

– Болтать не советую. Ни о чем. Ни о том, что видели, ни о том, что слышали.

– Ни-ни! Могила! А второе условие? – напомнил я Демиургу, не давая впасть ему в меланхолию.

– Второе? Какое, второе? А-а, со вторым сложнее. Оно не обязательно для вас, в смысле выживания. Не обязательно для вас, – и обязательно для меня. Со мной-то понятно, – я Демиург, и буду стремиться наполнить сферу своих миров. Вы? Все зависит от вашего решения. Рассказанное мною – не простое сотрясение воздуха, а так сказать, злоба дня. Однако никто не может повлиять на свободу вашего выбора. Если вы предпочтете все бросить и дожить свою жизнь сытно и с комфортом, где-нибудь на кокосовом острове, Вселенная не рухнет, Хаос не поглотит Мироздание. Просто через некоторое время исчезнет всего лишь одна точка моего октаракта. Просто дело пары – тройки сотен веков пойдет на смарку и...

– А поконкретнее можно? – решительно вклинился в его монолог Всеслав.

– Поконкретнее? – воодушевленно выпрямился тот на своем стуле. – Поконкретнее можно! Только принесите, пожалуйста, с полки во-он ту бутылку с желто – зеленой этикеткой и стаканы. Да, еще – маслины и лимон, в холодильнике, лед в морозилке, а соль... Соль не надо, здесь есть, вот она!

III

«... что мы живем безумной, вполне безумной, сумасшедшей жизнью, это не слова, не сравнение, не преувеличение, а самое простое утверждение того, что есть».

Толстой Л. Н.

Всеслав (Ян).

Где-то в резиденции Демиурга.

Все произошедшее за последние несколько часов, плюс внушающие надежду слова Демиурга, немного приглушили боль утраты. Я уже не жаждал смерти человечества в обмен на жизнь Сергея. Я даже согласился его спасти. Внутри саднило, но это уже было терпимо.

Антон со мною не пошел, сославшись на желание отдохнуть, да и не знает он никого из моих сослуживцев.

Я не возражал, а с ребятами обещал познакомить позже. Как я выяснил у Демиурга, их выбор, в отличие от нас с Антоном, мог стать практически неограниченным. Им не надо спасать Землю, «Мир», октеракт и Вселенную в целом. Они свободны как ветер, – хочешь, отправят на Землю, хочешь в «Мир». А хочешь, вообще на любую Кассиопею с Альфа Центавра, транзитом через Пояс Ориона, главное, чтобы мир считался гуманоидным. Я раздумывал, как бы им об этом сказать. И полной уверенности в адекватном восприятии моего сообщения не испытывал.

Это мы с Антоном прошли небольшой курс шоковой мозготерапии, а они, скорее всего, просто просидели в помещении, совершенно не представляя, где находятся и что их ждет. Неясные образы событий, предшествовавших нашему попаданию в резиденцию Демиурга, теснились в моей голове, но, на тот момент я еще не мог восстановить их последовательность. В мозгу ворочалось какое-то разноцветное блеклое оливье из всплывающих разрозненных отрывков.

Пройдя длинным флюоресцирующим мягким светом коридором, сопровождаемый движущимся указателем, до самой, поднявшейся вверх при моем приближении двери, я вошел в большое и светлое помещение, более чем наполовину заполненное разнообразной мебелью и двумя коконами из прозрачного пластика.

Меня встретили Настя и Леха.

В том месте, где мы очутились, я не встречал ни единой живой души, которая могла бы им помочь, но, тем не менее, нашел своих спутников сытыми и переодетыми. Ребятам уже оказали медицинскую помощь. Их ссадины и порезы оказались заживлены, а сами они улыбались и радовались встрече.

Настя, без замызганного кровью и грязью медицинского халата и припорошенных пылью дорожек от слез на лице, оказалась очень миловидной девушкой лет двадцати, можно сказать, даже красавицей. Медь волос, спрятанная ранее под серой запыленной косынкой с красным крестом, притягивала взгляд и уже не отпускала. До событий в блиндаже

мы с ней не встречались, поэтому мне трудно судить, изменилась она или нет. Откуда-то из глубины сознания всплыл ее образ в синем плаще и волны рыжих локонов, охваченных широким плетеным кожаным ремешком с изумрудом, в витой золотой вязи побегов и листьев посередине.

– Это я тут наэкспериментировала! – сказала она, смущенно улыбаясь. – Как вызывать мебель я разобралась, а как убрать ненужную, пока не пойму, поэтому она добавляется и добавляется... Не знаю, что-то я делаю не так!

А вот Леха изменился однозначно.

Из хмурого и нелюдимого до глаз заросшего бородой мужика, он превратился в улыбчивого и симпатичного, намытого и побритого молодого парня, благоухающего приличным одеколоном.

– Привет, Ян! Это только цветочки! Слава богу, я отговорил ее со шкафами экспериментировать, не то уже привалило бы нас этой мебельной лавиной!

– Так разберись дорогой, как убрать все не нужное! Не то у вас тут и черт скоро ногу сломит!

Я подошел к капсулам, в которых лежали Степан и... Неужели нашелся Макс?! В смысле, – «нашелся»? – сам себя переспросил я. Он же на фаркопе висел!

Степану отрастили новую кисть, и он уже проходил реабилитацию, погруженный в лечебный сон.

Во второй капсуле спокойно посапывал Макс. Позже, когда он пришел в себя, выяснилось: в то время, когда наш

«бардак» совершал свой судьбоносный перелет на балкон резиденции Демиурга транзитом через битую локацию, Макс соскользнул с крыши броневика и перед перемещением, совершенно случайно, зацепился поясным ремнем за фаркоп, которым была снабжена боевая машина для перевозки полевой кухни.

Он отделался несколькими переломами ребер и переломом, уже до этого простреленной ноги. И я откуда-то это знал. Как и Степан, он уверенно шел на поправку.

И тут я вспомнил. Вспомнил голограмму Антона, машущую рукой в приветствии, квадрокоптер в небе, напугивающие и откатывающиеся назад черные коробки войск демонов, бесконечное перетаскивание снарядов, уносящихся к соседнему недалекому холму и возвращающихся обратно на направляющие пусковой установки.

По разноцветному оливье образов в голове, словно блендером прошлись, и оно превратилось в липкую кашу недоумения. Что-то со мной явно не так.

– Что это за место, Ян? Ты с кем-нибудь разговаривал? – тихо, чтобы Настя не слышала, спросил Леха, наклонившись к прозрачной крышке капсулы вместе со мной. – Я прошел по коридору в обе стороны, но не очень далеко, чтобы не заблудиться. База тут какая-то, или что? А то я, честно сказать, не совсем помню, как мы здесь оказались.

– Никакая это не база! – вклинилась Настя, услышавшая наш разговор, не смотря на уловку Алексея. – Где ты видел,

чтобы мебель из пола росла? А еда чтобы по первому требованию на столе из стены появлялась? А роботы, которые царапины нам вылечили, – раз, и все! Даже следа не осталось! Если и база, – то точно не наша... И даже не американская! Я думаю, что мы попали к инопланетянам, вот!

– Что скажешь, Ян? – обеспокоено поинтересовался Леха.

– Да что тут говорить. Вы ничего не помните? Ну, как мы здесь очутились, где еще были, до того как сюда попали? – адресовал я вопрос сразу обоим.

– Что значит, – где? – не понял Леха. – Мы же все вместе на «бардаке» от врага уходили, после того как от наших позиций пустое место осталось!

Настя согласно кивала на его слова, а глаза стали наливать слезами. Что такое, блин?

– Ты меня пугаешь, Ян!

Ясно. Не хватало еще, чтобы меня за малахольного приняли, и жалеть начали.

– База! – рубанул с плеча я. Все мы тут умом повредились, не только я один. – Можно сказать инопланетная...

Леха тихонечко присвистнул.

– Как это? Мы же еще недавно на Земле были... – жалобно произнесла Настя, все же пуская одинокую слезу. – И где мы сейчас? А ты откуда пришел?

– Так, давайте по порядку, а то слишком много вопросов, но только ответов маловато. И давайте присядем. Мебели, твоими стараниями, теперь хватило бы на всю нашу роту, – я

плюхнулся на ближайший диванчик с пухлыми подушками. А что? Удобненько!

– Первое, – продолжил я, закидывая ногу на ногу, – мы попали в какой-то пространственный портал, в который вскочили на одном из холмов, когда пытались вырваться с поля боя.

Второе, – на другом конце портала оказалось вот это, – я обвел рукой зал, – и все это находится не на Земле, не в космосе, и вообще, насколько я понял, нигде и вне времени. Поэтому, нас могут вернуть прямо в тот миг, в который мы вскочили в портал, – мы в него, естественно не вскочим, а если повезет, удачно приземлимся и может быть, даже уйдем от преследующего нас врага. Наверное. Если получится.

Третье, – когда Макс со Степаном поправятся, у нас будет выбор: вернуться на Землю, причем не обязательно туда, откуда мы выпали. Да, и не обязательно в то же время. Будет выбор в каких-то некритичных для нарушения временной матрицы промежутках. Это надо узнавать.

Четвертое, – можно отправиться в любой другой мир – их тут сотни, тоже можно выбрать.

Пятое и последнее, – наверное, можно переселиться в «Мир» который был виртуальным, а теперь стал реальным... В общем, долго объяснять. И остаться там.

По мере моего рассказа лица слушателей потихоньку вытягивались, рты открывались, а глаза становились все больше и больше. Сказать, что Леха с Настей были удивлены –

значит соврать. Они не были удивлены. Они просто не поверили.

В принципе, реакция на мои слова оказалась ожидаемой. Они не помнят ничего про оборону холма. Для них время с ночи, через рассвет к обеду и обратно, – с обеда, через рассвет к ночи, просто потерялось. Да я и сам не совсем уверен, – происходило это все на самом деле или мне просто пригрезилось.

– Дурацкие шутки! – буркнула Настя, отворачиваясь.

– Не-е, Ян, это и правда, уже перебор! – по-детски обиделся на меня Леха.

– Не хотелось бы вас расстраивать, но... – может быть так до них дойдет?

– Сделать окна прозрачными! – громко приказал я, казавшимся до этого момента монолитным стенам в комнате.

За пару секунд в двух из них появилось по три больших окна.

– Вперед! Смотрите сами! – я махнул рукой, в сторону искрящейся в них черноты.

За окнами медленно вращалась, сверкая мириадами близких и далеких звезд, объемная воронка Млечного Пути.

Ноги перестали держать Настю, и она обессилено опустилась на кокетливую оттоманку, а Леха так и остался стоять с вытаращенными глазами рядом с каким-то пузатым комодом. Я поерзал на мягких гостеприимных подушках выбранного мною диванчика, устраиваясь еще удобнее, и стал ждать

их «отвисания».

На это понадобилось несколько минут.

– Пойду, попробую у стены водки выпросить! – это было первое, что произнес Леха, пришедший в себя чуть раньше Насти. Через минуту он подтащил к нам антикварного вида стол на гнутых ножках и еще одно кресло. Расставил графинчики, стаканчики, рюмочки и тарелки с каким-то, то ли мясом, то ли сыром и хлебом.

Выпили. Закусили.

Еда, как еда. Хлеб, еще теплый и вкусный. Мясо непонятное, какого-нибудь свинорака, а может быть, вообще одна из разновидностей Альдебаранской сои. Зато местный C2H5 (ОН), в 40% концентрации порадовал своей мягкостью и оказался на высоте, как и холодный брусничный морс.

Посидели. Помолчали.

Выпили. Закусили.

– В общем, когда восстановятся ребята, придется выбирать, – нарушил я затянувшееся молчание. – Пообщался я тут с местным хозяином...

– А кто он? – перебила меня Настя. – Человек? Или зеленый такой, как жаба, и с тремя пальцами?

– Он гуманоид...

– Гуманист – это уже хорошо. Не люблю я агрессии, – встрял Леха, целиком запихивая кусок сыра в рот.

– Гуманоид – значит человекоподобный, – поправила Настя.

– Ну, профти, я инфтитутутоф – медучилиф не заканшивал, – прошамкал он, пережевывая. – Из-за парты сельской школы и сразу на войну.

– Ладно, Леш, не обижайся.

Леха махнул рукой, мол, проехали.

– Он андрогин, – пояснил я и, видя упершиеся в меня непонимающие взгляды, добавил, – он двуполый, одновременно и женщина, и мужчина.

– Гомосексуалист, что ли? – вытаращил глаза Леха. – Ну и ну! Ваще, вот мы попали!

– Не – е, правильно сказать – гермафродит, – поправила Настя. – Бедненький... Он тут что, один? Не видать никого больше.

– Один.

– Герма...

– Короче. Я не правильно сказал. Не двуполый, а бесполоый... Тьфу! Сам запутался тут с вами! В общем, – он одновременно и женщина, и мужчина, и ни то и не другое. Все понятно? Наливай!

– Да-а, без ста грамм не разберешься! – Леха ловко разлил беленькую по стопарикам. После школы на войну, говоришь? Это там, интересно, такому виртуозному разливу учат?

– Я у матери в рюмочной последний год перед выпуском подрабатывал, – стер он незадаанные вопросы, заметив мое пристальное внимание к процессу наполнения стопок. –

На мотоцикл хотел насобирать, да вот, вербовщики эти под-
вернулись, грят, – нафига тебе байк, через год уже на «Ме-
рине» в деревню приедешь! Ага... Приедешь тут!

Он, зажатой в руке рюмкой обвел все вокруг, – и комнату
с мебелью, и бриллиантовую тьму за окнами.

– Как он только со всем этим сам справляется?

– Легко справляется, – успокоил я. – Чтобы что-то сде-
лать, ему стоит только захотеть и оп... Все готово!

– Как так? – удивилась Настя.

– А вот так. Он, вроде как местный заместитель бога. А-
а, вы все равно «Пир» Платона не читали! – махнул я рукой.
Выпитое подействовало. Напряжение, не отпускавшее меня
все последнее время, отступило и захотелось просто поси-
деть и поболтать ни о чем.

– А ты, можно подумать, читал? – подначила меня На-
стя. – И что там твой Платон про заместителей пишет?

– Не про заместителей, а про андрогинов, – поправил я, –
что они были очень красивы и как титаны сильны. Возгорди-
лись они, и пошли с богами воевать. Ну а боги, в наказание
их пополам поделили. Каким-то половинкам досталось боль-
ше силы и гордости, а каким-то – красоты и наглости. Так
появились мужчина и женщина. Угадайте с трех раз – кому
что досталось? С тех пор они ищут свои половинки по всему
свету, чтобы воссоединиться. А хозяин здешний из воздер-
жавшихся оказался, в походе на богов не участвовал, вот ему
тепленькое местечко и обломилось.

– Красивая легенда, – мечтательно вздохнула Настя. – Не смотря на твои выдумки про наглость! Там же не так написано? Или ты и сам не читал?

– Не читал. Мне эту легенду сын утром рассказал. Он читал.

– Я не знала, что у тебя есть сын. Сколько ему, лет пять, семь? И он уже Платона тебе пересказывает? – удивилась Настя. – Как же так, – утром? Мы же утром здесь были!

– Не-е. Утром я только сам узнал, что у меня сын есть, а это уже потом он мне про Демиурга – андрогина рассказал.

– Ты нас совсем запутал! Твой сын что, здесь? Почему он тут сам, такой маленький?

– Нифига себе маленький – выше меня на пол головы! – эмоционально не согласился я.

Настя с Лехой вытаращили глаза.

– В пять лет выше тебя на полговы?!

– Да какие пять лет, – ему уже двадцать пять! – выдал я.

– А тебе сколько? – не унималась Настя.

– Двадцать семь, восемь...

– Так ты его что, в три годика забалабахал?! – рассмеялся

Леха.

– Какие три годика?! – неподдельно возмущился я. – Он только в этом году родится!

На их лица стоило посмотреть. Жалко, не догадался сфотографировать. Память была бы на долгие – долгие годы! Похоже, за сегодняшний день мы все наудивлялись на всю

оставшуюся жизнь и, пожалуй, еще на парочку следующих.

Я сам все никак не мог полностью принять все эти хроновыверты и гримасы пространства – времени. Как там сказал Леха? «Без ста грамм, не разгребешься?»

– Че зависли? – меня слегка понесло. – Наливай, поговорим, до зануды, до зари! Так и быть, расскажу я вам эту нереально виртуальную и, одновременно, не виртуально реальную историю. Потом, всем вместе, проще решение принять будет. Только уговор – Макс со Степкой сами все перескажете, а то я еще раз напиться не хочу!

IV

«Родители любят своих детей тревожной и снисходительной любовью, которая портит их. Есть другая любовь, внимательная и спокойная, которая делает их честными. И такова настоящая любовь отца».

Д. Дидро

Антон.

Резиденция Демиурга.

Я сидел за кофейным столиком на одном из балконов, размышляя о кажущейся бестолковости бытия.

Внизу, ну или вверху. Для меня это уже не казалось важным. Я привык к тому, как в этом месте противоположности переходят друг в друга, порою совершенно неожиданно. Совершенно не так, как мы приучены воспринимать. Здесь нет четкой границы, видеть которую нас заставляют с рождения. Белое – черное. Низ – верх. Добро – зло. Любовь – ненависть.

Бред.

Здесь все условности воспринимались как бред.

В этом месте жила гармония, которая, как известно – суть упорядоченный хаос. А красота – всего лишь степень гармонизации, лишь баланс между хаосом и порядком, воспринимаемый каждым из нас по-разному. Потому и понятие красоты для каждого свое. Не бывает Всеобщей красоты, как и Всеобщей гармонии.

Здесь теплый звук ослеплял глаза, а яркая темнота оглушала мозг. Левый поворот приводил направо и наоборот. Тишина кричала в уши, а молчанье громко стучало в висках. Ажурные башни, ассиметрично разбросанные по окружности свивающихся в квадратные спирали крепостных стен, были до безобразия великолепны и монументальны. А сам замок, словно борец сумо, решивший уподобиться балетному танцору. Изящно и непоколебимо встал он на носки пуант и безнадежно пытается дотянуться отвратительно невесомыми пузатыми башнями до бесконечно близкого прекрасного неба. Царапая ими тяжелые пушинки облаков, с легкостью китов плывущих к сияющей всеми цветами спектра линзе горизонта. Я уверен, – где-то в окрестностях обязательно найдется огромное ничто в микроскопическом всем, и стоило ли удивляться прихотям хозяев, зная, что им по силам из Точек создавать Вселенные.

Тем не менее, внутри замка все было привычно, без всяких наворотов – переворотов, иначе, подозреваю, колбасило бы меня, как Незнайкиного друга, который «опасался, что вот-вот выскользнет из своих сапог и полетит в мировое пространство вниз головой, а сапоги останутся на Луне». Демиург пояснил, – интерьер, таким как мы его видим, делает наше подсознание, беспокоящееся о нашем психическом здоровье, хотя, в действительности все выглядит совершенно иначе.

Спасибо хозяевам и на том.

А снаружи господствовала воля Демиурга и противоположности перетекали друг в друга непостижимым, порою, я бы сказал, – противоестественным образом. Вот и я плакал, радостно грустя, и смеялся, печально радуясь. Утрирую, конечно, но примерно так можно описать мое минорное настроение.

Как бы тебе ни хотелось порой, чтобы то, что с тобой иногда происходит, не происходило никогда, – не взирая ни на что, оно все равно происходит, как бы тебе не жалалось, чтобы оно никогда не происходило.

Или еще:

Оно, конечно так, ежели что, но те то чтобы вообще, дескать, только так, а никак иначе. А все-таки себе на уме подумаешь, а подумаешь, конечно, нехорошо – вот тебе и, пожалуйста!

Да, именно, – вот тебе и, пожалуйста! Как тут не подумаешь нехорошо!?

Жил себе, не тужил, пока геморроя не нажил. На ровном месте. То вампиром оказался, то зачали меня не в нужном месте не в нужное время, то маманя, чуть ли не принцесса, объявилась через двадцать пять лет, то батя – старше меня на мышиный волосок, кандидат в Демиурги. Миры тоже может создавать, не хуже некоторых. А я только и могу, что в роли сдерживающего фактора для Мира и Земли выступать, типа мезонной бомбы, на стопицот миллиардов мегатонн. Достанут, рвану так, – всю Галактику будут по пы-

линке собирать. А теперь вообще, – еще и ответственность за жизнь двух миров на меня навесили. Сферу им складывай воедино, видите ли... Тоже мне, нашли мастера по кубикам – рубикам!

Вновь появилось ощущение, что я упускаю или забыл нечто важное. Какие-то смутные тени воспоминаний о том, чего не могло или могло быть. Что-то связанное с противостоянием и борьбой за место под Солнцем.

Мысли вернулись к недавнему разговору. Демиург не настаивал, но по всем прикидкам выходило кисло. Все описанные катаклизмы имеют место быть. Остановить их можно, только сведя в единое целое Землю и «Мир».

А для этого, собрать артефакт – октеракт надобно. Как и где, – о том Белые Иерархи ведают, не его это парафия. Повстречаемся с ними, – ниточку путеводную и получим. А пока – единственная надежда на Аксиныю. Демиург не стал помогать встретиться с ней. Сказал, мол, не по чину ему с такой мелочью, как каждая отдельная планета, возиться. А мы, типа, и сами не маленькие.

Ну а я не стал Демиургу говорить о тех трети с третью сферы, нежданно-негаданно оказавшихся у меня. Одной, которая на Земле в барсетке забытая лежала, и второй, которая в «Мире» в Личной Комнате, завернутая в носок, благодаря бомжовской напитывается. Узнай Демиург о таком пренебрежении к артефакту мирового единения, со стены бы, наверное, подбросил, чтобы я об безличное общее все лич-

ные частности ободрал. Это у него здесь запросто.

Не стал рассказывать не из вредности, не для того, чтобы великой радостью не поделиться, хотя и делиться-то на самом деле нечем, – ну, есть. Ну, в разных реальностях. А где остальные части брать и как их все в одном месте Мироздания, в один шарик собрать?! Со мною бы кто-нибудь поделился! И не скажу я ему ничего! Пока. Пока самую последнюю часть не найду. А там, отдам, не отдам, фиг его знает, в каком пространстве недостающие части обретается. Найду, скажу, где лежат, а дальше пускай сам соображает, как пазлик до кучи складывать.

И вообще! Создатели-держатели хреновы! Брали бы и разруливали ситуацию сами!

Может быть, сбежать все-таки куда-нибудь в Океанию, на острова. Посидеть там годик – второй, глядишь, все и уляжется. Заодно понырять-позагорать, кораллов подсобирать в коллекцию. Кокосы-бананы опять же, в руках местных Пятниц, ведь Пятница, – женского рода, вопреки мнению героя Даниеля Дефо... Хотя... Нет, убежать в этот раз я не буду, хватит, набегался.

У меня от неожиданности даже дыхание перехватило – настолько все реальным показалось. И сухостью пассата, роняющего доску для виндсерфинга, воткнутую в пляжный песок, в лицо повеяло, и брызги океанские донесло. Где-то пели туземки, вплетая печаль в яркие цветочные венки. На поверхности волн показался треугольный плавник, и мелькну-

ла огромная зубастая пасть...

Внезапно возле меня материализовался Демиург:

– Ну-ну! Юноша. Перестаньте в моем доме визуализировать! Переходы отсюда возможны только с моего разрешения! Не переживайте Вы так! Все еще образуется, просто Вы не знаете, на что способны. Видите – не каждому дано порталы отсюда открывать, просто так, потому что грустно... Хотя место, конечно способствует. Но! Линии силы, тоже уметь надо использовать! Так что, перестаньте хандрить, возьмите себя в руки!

И прошу вас, избегайте устремленных желаний и эмоциональных всплесков. По крайней мере, у меня в замке. Этим Вы будоражите не только окрестности. Всю Ойкумену лихорадит. Договорились?

Он исчез, одним движением пальца смахнув с балкона и океан с пальмами, и тянущих ко мне руки туземок, и акулу с разноцветным пляжным мячом в зубах, будто и не было.

Вот так всегда. Бойтесь своих желаний. Сон разума рождает чудовищ. В моем случае не сон, а бодрствование.

На душе стало еще поганее. Не оттого, что меня вроде как поймали за непотребным занятием, а от осознания своей готовности что-то делать и незнания, что и как. Словом – «если был ты баобабом, – то баобабом и помрешь», снедаемый пониманием своей тупизны, не взирая на общение с мир предержащими.

Сами собой всплыли вчерашние слова Демиурга:

«Вы, Антон, сам по себе ключ от двери, соединяющей миры. Они будут обращаться к Вам в попытках выжить и вот тогда от Вас потребуются правильные, и что не менее важно – своевременные, решения. Да, и главное – действия».

Ждать, пока они сами не дадут знать, – вот основная мысль, которую он хотел донести до меня. А дальше кривая выведет. Все это меня сильно напрягло. Ему-то что? У него вечность и сзади и спереди, а я привык контролировать свою коротенькую жизнь, но теперь инициатива ускользает из рук и мне такое положение вещей определенно не нравится. С привычкой все планировать, перепроверять и не оставлять лазеек для всяких «авось», лезть в авантюру с неясным концом, не то чтобы стремно, а даже как-то тупо самоубийственно.

А придется, милоч! Прямо как в том анекдоте, про неудовлетворенную Бабу Ягу.

Да-а, – печалька!

Вежливо покашливая, обозначив свое присутствие, на балкон вышел Всеслав. Отцом его называть у меня язык не поворачивался. Братом еще, куда ни шло, и то...

– Привет! Не против, если я тебе составлю компанию? – поинтересовался он.

Я молча указал на свободное кресло.

– Там ребята хотели с тобой познакомиться, – неопределенный кивок в сторону двери.

– А оно им надо? – желанья с кем-либо знакомиться у ме-

ня так и не появилось. Назнакомился уже за последние дни. Под завязку.

– Наверное, нет. Просто хотели увидеть моего сына – не верится им, что мы почти ровесники. Так же как и в то, что мы неизвестно где и в...

– А ты им объясни, что не надо искать черной кошки там, где ее нет.

– В смысле?

– Не стоит множить сущности без крайней необходимости. При прочих равных, самое простое объяснение – самое правильное. Бритва Оккама. Пусть принимают все, так как есть, и только.

– Я им уже объяснял... Не верят своим глазам. Неофобия (боязнь нового) с депрессивным синдромом. И кстати, есть мнение, что при прочих равных, – самое простое объяснение – самое идиотское. Бритва Дарвина. Дэн Симмонс.

– Да уж, эти бритвы... – согласился я.

Мы помолчали недолго.

– Это ты был на том холме с защитным куполом? И квадрокоптер ты привел, – утвердительно произнес Всеслав. – Я тебя сразу узнал, только вот случая поговорить не представлялось.

– Я, – не стал отрицать очевидного. – А ты со своими по нам ракетами лупасил!

– Ну, не по вам, а по демонам внизу, – не согласился он. – Классный купол ты сделал! Особенно второй. Моща! Как по-

лучилось?

– «Конструктора» удалось вовремя прокачать, да и девайсы кой-какие под руку попались тоже вовремя, – не стал таиться я.

– Круто. А у тебя провал в памяти был? – он немного смутился. – Спрашиваю, потому как сам, все произошедшие события только-только вспомнил, будто мешало что-то. Пока с Демиургом не поговорил и тебя не встретил.

– Та же самая ерунда! Смутные ощущения неправильности и все, пока тебя не увидел и не заговорил...

– А ребята, так те вообще ничего не помнят! С поля боя на Земле, – прямо сюда. Вот и все воспоминания. Я тему форсировать не стал, подумают – свихнулся их боевой товарищ Ян, – он почему-то погрустнел, видимо вспомнил еще о чем-то.

– Ты лучше скажи, как нам демиурга отбрить, – я перевел разговор на другую тему.

– Ну, эту сущность не помножишь на ноль, он сам кого хочешь, помножит. А вообще, предлагаю не торопиться. Первым делом, надо решить, куда мы отправимся. Надеюсь, возражений по поводу того, что нам надо держаться вместе, нет?

– Есть...

– Обоснуй?

– Я этого Демиурго, в первый раз вижу! И тебя, в общем-то, тоже. А еще, мамаша три дня назад объявилась. Первый раз. В гости зовет.

– Где объявилась? Она же в отцовском особняке, в смысле дедовском, живет!

– Ага. Живет. И меня скоро родит. Только она мне приглашение в отколовшийся «Мир», через мастера – рогу передала, с пулом фамильных артефактов и свитком портала. Она там теперь графиня де Смодонти! А дед, – кланлидер.

– Кланлидер? – наморщил лоб Всеслав, переваривая новости. – Через рогу... Подожди, дай сообразить...

– Да тут и соображать нечего, информации мало! Давай так – ты мне расскажешь все о себе и о матери, а потом я, как новорожденный, расскажу то, что знаю, а знаю я немного. Потом и будем думать, что дальше делать.

Всеслав рассказал мне о том, как долго и упорно шел к своей мечте, как он был счастлив, создавая «Мир». О своем друге – Сергее, который до самой смерти. Про войну и боль, и о том, как тот погиб, а он, хотел уничтожить всех, чтоб не осталось ни одного человека. Потому что, сволочи. Про кровь и грязь, трупы и обглоданные тела. О том, как сомневался, любит ли он мою мать, о своей обиде на нее за разрыв, и неожиданно осознанную любовь. Про моего деда с ее стороны – жесткого и своевольного основателя финансовой империи, подмявшего под себя пол страны но, поднявшего Всеслава. И о его сыне – Игоре, моем дяде, который кинул отца и присвоил себе его «Мир». О своем желании отомстить, и радости, что у матери все в порядке. И о радости,

что у него есть я. Только, как на это реагировать, он еще не знает и не понимает.

Он говорил с отчаяньем последней исповеди, не щадя ни своего самолюбия, ни пороков других людей, встретившихся на его пути. И чем больше он рассказывал, тем больше внутри меня росло ощущение, что мы очень давно знакомы и то, как он реагировал на давившие его проблемы, было мне близко, вызывало искреннее приятие и понимание, нелицемерное сочувствие и настоящее сопереживание. Для меня моя реакция оказалась новостью. Только теперь я понял, как это – быть родственной душой.

Оказалось, мне этого сильно не хватало. С приемными родителями мы никогда в подобном ключе не общались и душевной близости с ними, у меня не возникало. Ничего не хочу сказать плохого – они замечательные люди. Но, по моим тогдашним детским воззрениям, жили они в своем мирке, со своими проблемками, а я, со своими вселенскими несчастьями, которыми с ними не делился, в своем. Только теперь я понял, каким эгоистом был, и испытал к Всеславу настоящую благодарность за это прозрение.

Мне тоже, в первый раз в жизни, захотелось выговориться, выбросить угли не до конца перегоревших эмоций. Услышать слова сочувствия, одобрения и поддержки.

Он слушал внимательно, не перебивая и не переспрашивая, и в глазах его светилось такое спокойствие и мудрость, что я усомнился в его возрасте. Настолько разительна была

перемена, произошедшая в этом парне. Насколько он был моложе, рассказывая о близком для него, настолько же он был старше, слушая меня.

Я ему рассказал о том, как рос у приемных родителей, не зная, что они не родные. О своих увлечениях, победах и поражениях. Про Веру. Про не пришедшую до сих пор настоящую любовь, и не совсем ясную надежду на будущее.

И о своем страхе несостоятельности, об отсутствии вариантов, верю я, или нет, в рассказанное Демиургом, – путь назад уже закрыт. Все изменилось вокруг. Я изменился.

На что, совет был прост:

– Боишься, – не делай. Делаешь, – не бойся! – и Всеслав запел: – Ойся, ты ойся, ничего не бойся. Я пойду с тобою, ты не беспокойся! – и сделал проходку, как в лезгинке.

– Это я так, к слову! Ты должен знать свои корни, – он снова присел рядом. – Бабушка моя с Кубани, а у отца, деды и прадеды русский Север обживали. Поморье да Заонежье. Казацкая ниточка с Кубани еще дальше тянется – на Яик. Наши предки туда с атаманом Василием Гугней пришли. А до того, яицкие казаки при Тамерлане личной гвардией состояли. В общем, там круто замешано. У матери же твоей корни, с одной стороны кельтские, а с другой, тоже казацкие, – из запорожцев и дунайцев но, последние впрочем, сами бывшие кубанцы. Так, нам ли бояться покорять миры? Казаку, только бабу свою бояться не зазорно!

И он снова запел:

– Ойся, ты ойся, ничего не бойся...

А затем продекламировал:

*«Боюсь, что буду я бояться,
боюсь покинуть я тропу,
Боюсь упасть и не подняться,
боюсь, что что-то не смогу...
Но не боюсь лежать и думать,
о том, что я всего боюсь!»*

– Прикольно! А это, кто написал?

– Я...

– Пишешь стихи?

– Нет. Баловался раньше. А теперь муза меня покинула.

– Мать?

– Нет. Просто Муза. Диана стихи не любит. Даже про любовь. Она, вся такая целеустремленная, а стихи – для неудачников, которые вместо денег, производят на свет сопливые рифмы. Она напрямую об этом мне не говорила, но, не раз давала понять намеками, чтобы ненароком не обидеть.

– И ты бросил писать только потому, что ей это не нравилось?

– Нет. В один из дней я вдруг вспомнил, что давно ничего не писал. Попробовал. Ничего не написалось, и самое печальное, – уже и не хотелось. Не хотелось, чтобы написалось. И я перестал даже думать об этом. Вот, как-то так...

– Жаль, наверное, могло что-нибудь получиться.

– Нет, не жаль! Могло или нет, неизвестно. А так, все вре-

мя, которое я потратил бы на стихи, я потратил на доработку «Мира». О чем, совершенно не жалею, не смотря на то, сколько проблем он принес и еще принесет! А знаешь, налей-ка мне чайку! – он протянул чашку. – А то за разговорами, мы о нем совсем забыли!

В тишине допили обжигающий ароматный напиток.

– Скажи мне, тебя называют Создателем, Творцом, – начал я. Мне было интересно, что он сам думает по этому поводу.

Он промолчал, ожидая продолжения.

– Говорят, что ты ушел. Решил передохнуть перед тем, как создавать следующий мир...

– Все намного прозаичнее! Я не ушел, – меня ушли! И у творцов, есть могущественные недоброжелатели, – он улыбнулся. – А насчет новых миров, – мало ли? Вдруг, захочется чего-то новенького? Все может быть! Но с полной уверенностью могу сказать тебе одно – пока «Мир» в опасности, ничего такого, творить я не буду! По крайней мере, нового!

Он искренне рассмеялся.

– Как это – знать, что есть целый мир, который без тебя не появился бы на свет, что он развивается, осознает себя?

– Я не смог быть рядом с тобой, когда ты делал первые шаги, начал разговаривать, читать, пошел в школу... Но, думаю – все точно так же, – он снова улыбнулся. – Блин! Да я себя ощущаю столетним дедом! Никак не осознаю, как так может быть? Ты мой ребенок, и «Мир» – мой ребенок. А я

сам еще не вырос! Как я могу к вам относиться? Я вас, просто люблю, и никому в обиду не дам! Никому! Ну, что? Вместе? – он протянул мне ладонь.

– Вместе! – я подал ему свою руку, в которой лежал перстень с семилучевой звездой.

– Что это? – Всеслав осторожно двумя пальцами взял артефакт и покрутил перед глазами, рассматривая. Тот радостно заискрился короткими лучами, обволакивая его руку всеми цветами радуги. – Ого! Ничего себе!

– Он тебя признал! – удовлетворенно констатировал я, вспоминая слова Аксины. – Это тебе подарок от одной загадочной ведуньи! А зачем? При встрече, думаю, расскажет.

V

«Каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ».

К. Маркс.

Резиденция Демиурга.

Всеслав.

Прошло три дня.

Три дня сибаритства и гедонизма.

Мы, рожденные в нищете, выросшие в стесненных жилищных, финансовых, инфраструктурных, политических, моральных и прочих неблагоприятных условиях, просто довелись до совершенно невозможной халявы.

Как поступили бы Вы, если все, доступное к пожеланию, появлялось бы в ту же секунду?

Так и все мои товарищи. Почему бы и не пожелать?

Устоять было трудно, да и нужно ли? Поэтому мы пробовали все, чего не пробовали в прошлой жизни. Не тронутым оказалось только то, о чем мы не знали или не смогли вспомнить.

Мне, кроме дегустируемых в неограниченных количествах деликатесов, не нужно было ничего. Леха же, запросил полный комплект одежды фирмы «Lee Cooper», от майки до куртки и комплект обуви, от вьетнамок до ботинок, той же фирмы. Не знаю, какая любовь связывает его с этим

английским брендом, спрашивать не стал. Только посоветовал взять дополнительно несколько единиц нижнего белья и носков, а то по одной паре, как-то маловато. Так он и сделал.

Точно так же поступили и Макс со Степаном. Они вчера выбрались из открывшихся капсул совершенно здоровыми, новенькими и розовокожими, словно пупсики с конвейера, как будто не тронули их рваные осколки, крупнокалиберные пули и сложные переломы. После коротких приветственных обнимашек, первым делом они набросились на разносолы, наколдованные в авто поваре, обрадованной их благополучным возвращением, бывшей медсестрой.

Потом Леха, постоянно перебиваемый возбужденной Настей, поведал о последних событиях и прочем, ожидающем нас всех в скором будущем. Улыбки сползли с их, минуту назад еще счастливых лиц. Решение принимать предстояло серьезное, и по старинной славянской традиции, все решили прибегнуть к помощи универсального антидепрессанта – советчика.

Кудрячили всю ночь. Я непосильного участия в возлиянии не принимал, ограничившись парой бутылок полутемного пива, изредка отвечая на те вопросы, на которые у меня были ответы.

Настя же оказалась настоящей тряпошницей. Она чахла, словно Кощей над своим златом, возле огромной кучи всевозможной одежды и аксессуаров, с той только разницей, что

не над ней, а уже практически – под ней.

– Настя! Ау! Ты там жива еще?

– Не дождетесь!

– И как ты эту гору барахла тащить будешь?

– А вы у меня, здоровые лбы, на что?

Ну, вот и поговорили!

Ребята определились со своим выбором. Никто не захотел, ни на Альфу Центавра, ни к Бете Цефея. Даже через Пояс Ориона.

– Да ну их! – отмахнулась Настя, смущаясь. – Бог их там знает, как они там живут! Вот если бы посмотреть, а так... В общем, мы с Алешей хотим домой!

Леха смущенно улыбался... Похоже, что-то я пропустил.

– Молодцы! Когда свадьба? – брякнул наобум.

– Какая, свадьба? – щеки Насти заалели жестким румянцем. Она посмотрела на Леху. – Мы пока об этом не говорили!

– Пригласите, хотя бы? – прикольно было наблюдать за их недоуменными быстрыми переглядываниями. Значит, пока до конца не определились.

– Приглашаем, конечно, если Вы сможете прийти, – наконец-то степенно выдавил из себя Леха, беря Настю под локоток.

– Спасибо! Непременно буду! – пообещал я. И обратился к парочке выздоравливающих: – Что решили-то, мужики? Кто куда?

– Так это, – пробасил Степан, – я, наверное, в Белоруссию подамся! У меня там брат живет...

– А я, обратно возвращаюсь! У меня должок один не оплаченный остался, – Макс зло стиснул зубы. – Ты спроси, Демиурга своего, можно будет потом, скажем через месяц, воспользоваться его предложением?

– Хорошо, спрошу! И что, никто не хочет в прошлое – будущее? Это же такие перспективы! В прошлое, например? Вы же все наперед знать будете, и сможете целые состояния сколотить!

– Да какой там! – чуть ли не хором ответили все.

– Из нас бизнесмены, как из дерьма пули! Да и толку-то! Ну нашинкуем мы капусты... А что поменяется от этого? Все равно, те же самые фамилии к власти приходиться будут, и тут уж никаких наших денег, на то чтобы их подвинуть, не хватит! Так что, пусть все остается так, как есть! Будем двигаться вперед, – резюмировал Макс.

– А ты Ян, чего надумал? Домой, или как? – спросила Настя, и все выжидающе посмотрели на меня.

– Сначала, домой. Дела закрыть, – не стал скрывать своих планов я. – А потом с сыном... Куда? Пока не знаю!

– Мы, чего спрашиваем-то? Вроде как, все мы теперь вместе должны быть. Одной бригадой, – Макс обернулся к остальным. – Правильно говорю?

– Правильно! – хором откликнулись те.

Я ненадолго задумался.

Неплохо, конечно, иметь свою команду. Бывают случаи, когда одному или двоим, не справиться. Просто не хватит рук, или одновременно в нескольких местах, понадобится присутствовать. Идея показалась здоровой. Для себя я, еще во время разговора с Антоном, все решил. На Земле меня ничего не держит, надо только родителей предупредить, что жив и буду подолгу отсутствовать. А сын будет рядом. Сын... О-фи-геть! Дичь несусветная! Но, – данная мне в ощущениях. А значит, по философским понятиям, – обыкновенная реальность. Гы-гы!

– Давайте сделаем так. Все отправляемся решать свои нерешенные вопросы и, например, через два месяца, вы связываетесь с Лехой. Я жить в своей квартире все равно не буду, а молодым лишних денег на съём жилья тратить не придется, – я остановил взмахом руки, собравшуюся возразить Настю. – Поживете у меня, места там хватит. Еще один плюс – у меня там оборудование стоит. Я Лехе покажу, как им пользоваться, будет лишняя возможность связаться с нами в «Мире», если нас туда занесет.

– А ты как в «Мир» попадать будешь? – поинтересовался Макс.

– Не знаю, как, но Демиург сказал, что вместе с Антоном мы можем попасть в любое место, куда только захотим. Так что, Леха, жду тебя через два дня у себя, – я написал на листке адрес и отдал ему. – Не теряйте связь, вдруг надо будет быстро собраться.

***

На следующий день мы по очереди проходили через портал. Судя со слов Демиурга, каждый попадет туда, куда собирался. Единственное условие – указать однозначно место и субъективное время, и желательно, мысленно представить, то место, в которое хочешь попасть, со всеми возможными подробностями. Портал сам определял это место и переправлял безошибочно.

Все отправились, остались только мы с Антоном.

– Пошли? – предложил он.

– Подожди, – я положил ему руку на плечо.

– Чего?

– Обещай мне, что бы ни случилось со мной, ты доведешь дело до конца!

– Хорошо, но... Ты тоже пообещай мне, что не будешь удивляться ничему и верить в меня! – Антон, по видимому, вспомнил о чем-то, о чем забыл или не захотел рассказать мне. – Да, будешь верить в меня, не взирая ни на что...

Я внимательно посмотрел ему в глаза, пытаюсь рассмотреть то нечто, скрывающееся за этими словами. Уловить промелькнувшую зловещую тень недосказанного. Но увидел только искреннее ожидание. И надежду.

– Что бы ни произошло, я верю, и буду верить тебе и в тебя! – спокойно пообещал я, подхватывая тяжеленный баул со всем оружием, которое оказалось при нас в момент перемещения. – Приборы свои не забудь! И шкатулку!

Антон, с видимым облегчением сделал приглашающий жест, мол, после вас, и мы шагнули в переливающуюся, словно радужный мыльный пузырь, рамку портала.

***

План был прост.

Первым делом мы перемещаемся ко мне, в 2020 год. А потом? Потом, посмотрим.

Я был уверен, что меня не будут искать ни военное начальство, ни малочисленные знакомые. Я умер для всех там – под «градами» на поле, как и все остальные ребята из нашей роты. Те, кто остался в живых, переместились вместе со мной. Я особо акцентировал внимание ребят на этом вопросе. Светиться не надо. Упекут за дезертирство, ибо нефиг выживать, когда наверху уже всех в «двухсотые» записали.

По моей просьбе Демиург принес всем новые комплекты документов. Новые, по названию. По виду же, как и просили, – немного потертые, с выцветшими листочками идентификационных кодов, и прочими признаками постоянного употребления. Еще он выдал мне полыхающий внутри красным кристалл на цепочке из черного матового металла, предупредив, что этот накопитель маны необходимо заряжать. По мере разряда цвет кристалла будет меняться, проходя весь спектр до черного, означающего полное опустошение. Антону не дал ничего, сказал, мол, – он уже имеет все необходимое.

На вопрос, как и где мне его заряжать, он успокоил – до момента попадания в «Мир» заряда хватит. А там разберусь, не грудничок. Кроме того, этот кристалл обладает еще рядом полезных свойств, о которых я тоже узнаю в «Мире». Одно свойство он все же озвучил – кристалл настроен на мою ауру, поэтому им воспользоваться не сможет кроме меня никто и при большом горе можно, зажав тремя пальцами определенные грани попасть к нему в резиденцию прямо на место отбытия. Это максимум возможной помощи, который он может предложить как заинтересованная в благоприятном исходе дела сторона. Большого вмешательства он себе позволить не может.

Что ж, и на том Вам, наше огромное спасибо с кисточкой! Повезло. Не встретив никого из соседей, мы поднялись ко мне в квартиру. Пока Антон с интересом изучал непривычную для жителя сороковых годов нового тысячелетия обстановку, я первым делом проверил все ли в порядке с оборудованием. На удивление – все работало и даже не носило следов взлома. В этом Игорь Витальевич проявил непростительную недалекость. Устранив конкурента, следовало устранить и все информационные следы, а может даже и материальные носители. Наверное, не посчитал нужным. Или меня держит за слабака, который и не подумает возразить, а просто утрется и, забившись в конурку, будет зализывать раны скуля и подвывая. А вот тут ты, чмо и просчитался!

– Как это... Непередаваемо полно, что ли... И необычно-

венно красиво... – произнес Антон, смотря через балконную дверь во двор, где под сенью листья берез начала лета, еще не успевших напитаться городской пылью, играли в песке соседские дети.

– Ты о чем?

– Да, так. О сепии, – задумчиво и непонятно произнес он. – И вообще...

– Какой сепии?

– Попадешь к нам, узнаешь! – он отошел от окна. – Да-а. Натворили мы дел!

– Хорош комплексовать! – не пошел я на поводу его меланхолии. – Натворили – растворим. Делов-то!

Антон улыбнулся.

– Как у тебя все просто! Я так не умею!

– Научишься! Здесь, вам не тут. Здесь не задницу в голове иметь надо, а понятие представлять, как говорил мой старшина! Сам про Окамма вспоминал, так что не множь сущности! Будет день, будет пища! Ну, а не будет, то и нехай подавятся!

Квартира порадовала чистотой, видимо мама часто навещала ко мне и наводила порядок. Даже в холодильнике стояла бутылка минералки и пара банок консервов.

– Не маячь, Тоха, возьми водички, да присядь вон, на диван...

Все, что мне нужно было сделать – это зайти в МЛМ и перебросить туда остатки библиотек и всего прочего софта, как

можно больше. Не знаю, как там все будет происходить при отделении «Мира», и уцелеет хотя бы что-нибудь, но, как говорится, – запас в жужу не имёт! Никогда не знаешь, что может неожиданно понадобится в длительной, может быть даже многолетней автономке по мирам и весям. Информации оказалось ожидаемо много. Я запустил копирование и предложил Антону прогуляться к деду с бабой. Только, как его представить им, я не знал.

Приду и скажу: «Это ваш внук»... Абзац.

Расстроятся, запятая, не поверят, запятая, и спишут все на «синдром войны» или контузию, пожалев убогого. Точка.

Совместно, решили представить его моим сослуживцем, «побратимом», как стало модно нынче говорить.

Антон слегка нервничал, как я понял, перед посещением дедушки и бабушки, и чувствовал себя не в своей тарелке, потому решил подбодрить его:

– Не дрейфь! Я уверен, ты им понравишься, как и они тебе!

***

С первого взгляда было видно, как за время, проведенное мной на войне, постарели мои родители. Мама, не веря своим глазам, с самого порога встретила слезами и, прижимаясь к моей груди, плакала навзрыд. Из ее причитаний я понял – им два дня назад сообщили из военкомата о моей пропаже без вести. Ага, как же, без вести! Знают они все наверняка, твари! Выразили сочувствие, а соболезнования сказали вы-

ражать преждевременно. Мол, всякое бывает, возможно, через неопределенное время, еще объявлюсь как снег на голову. В принципе, не соврали. Только не их молитвами.

Отец молча, улыбаясь, сильно прижал меня к себе, и мы простояли так несколько долгих секунд, обнявшись. Лишь, когда он меня отпустил, я заметил, как по его гладко выбритой щеке стекает предательская слезинка.

– Колючий ты, как дикобраз! Почему не брит? – скрывая смущение, отчитал он меня.

Я только развел руками.

Представил им Антона. Мама убежала на кухню накрывать стол, а отец, рассматривая Антона, сказал:

– У меня такое ощущение, что мы давно знакомы. Вы поразительно похожи на моего младшего брата, когда ему было столько же лет, сколько сейчас Вам!

Антон только смущенно пожал плечами и улыбнулся.

– Совпадение, наверное...

У родителей мы пробыли до вечера. Я рассказал им о войне. Не все, и не очень подробно – берег их нервы. Предупредил о появившейся необходимости иногда долго отсутствовать. Нет, мои отлучки не связаны с укрыванием от армии, хотя и это тоже, – на войну я больше ни ногой, или каким-нибудь криминалом, – просто сейчас так надо. О том, что я нашелся и жив, попросил пока никому не говорить. Вообще никому.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – сказал при проща-

нии отец. – Вообще, конечно, не правильно это, – от долга воинского бегать!

– Нет, – твердо возразил я. – Нет никакого долга! Не посылала меня страна границы и земли свои защищать! Тесть мой, несостоявшийся, сунул на лапу кому надо, или сынок его подсуетился, чтобы меня в добровольческий батальон упекли. Сыграли на доверии к людям в форме, прислали офицера из военкомата с контрактом, я его и подмахнул не глядя, на свою голову! Не от государства послали, понимаешь? Олигархами набранный, добровольческий батальон, для защиты своих финансовых интересов. Понимаешь? Один раз для них я уже умер, брошенный на произвол судьбы на поле боя. А умер, – значит, умер! Точка. Идти сдаваться, чтобы все-таки умереть по-настоящему? Во имя чего? Чтобы они лишний нолик к своим состояниям приписали? Нет! Тем более, до конца контракта осталось дней десять, от силы.

Отец пожевал губами, переваривая информацию.

– Добро, сын! В наше время, я о таком и подумать бы не смог. Ишь, значит, как? Добровольческий, говоришь? Как в Испании, в 1936? Хотя, нет, – там государство, помощь формировало. А тут, значит, – олигархи? Да, дожили уже и до наемничества! – он положил мне руку на плечо. – Ну, да бог им судья! Я верю тебе. Раз ты так говоришь, и решил, значит, так действительно надо! И я уверен, – ты со всем справишься!

– Мне бы твою уверенность, папа! – я обнял его на прощанье и, отстранившись, поцеловал и обнял маму. Она перекрестила меня, благословляя.

– Обязательно справишься! Ты у нас сильный! – напутствовали они меня на выходе в один голос.

VI

«Кто не сидел, сложа руки и тогда, как нечего было делать, тот сумеет действовать, когда настанет для этого время».

Виссарион Белинский.

Антон.

Земля 2020 г.

Родители отца оказались именно такими, какими я иногда их видел в своих детских мечтах. Потерянные, думалось навсегда, в хаосе Исхода, дед и бабушка.

Приемные мои родители, Карл и Клара, никогда не касались этой темы, старательно уводя разговор в сторону. Теперь я знаю, – таков был приказ моей матери, а тогда, не получив ни разу ни одного внятного ответа, любопытный карапуз обиженно замолчал, перестав задавать приемным родителям вопросы. Вообще.

По ходу дела, раз уж мы с отцом подрядились спасти миры, следующим логичным шагом должно было стать перемещение ко мне – в 2043 год. Только там есть возможность встретиться с Аксиньей, проводницей воли Светлых Иерархов в славянском анклавe, чтобы понять порядок дальнейших действий. Так как квартирой на родине я так и не обзавелся, мы отправились в мою съемную резиденцию на Мальте. Может оно и к лучшему.

Я по-прежнему не представлял своей роли, в свете всего изложенного Демиургом. И не знал, как рассказать Всеславу о том, что Диана стала, а может быть, и была всегда, вампиром да не простым, а высшим. И что я, как ее сын, после попадания в Мир тоже могу переродиться, не смотря на полное отсутствие проявления признаков вампиризма здесь, на Земле.

Однако думается мне, он и сам догадался, что и не удивительно. Как Создатель «Мира», он не мог не знать о магии крови и о персонажах, предрасположенных к ней. При активации портала из спальни его квартиры в холл моей резиденции, мне пришлось воспользоваться не только рунами и заклинанием, которое мне поведала шкатулка, переданная матерью, в купе с генератором порталов, но и парой капель крови, выдавленных из порезанного кухонным ножом пальца. Благо накопитель маны, подаренный Демиургом Всеславу был полон, и руны засветились. Заклинание сработало так, как надо, и мы оказались не у черта на куличках, а в моем доме на Мальте. В 2043 году. Еще раз, – спасибо Демиургу и его кристаллу.

Сам по себе генератор порталов, ни в коем случае не машина времени, он позволяет сворачивать только пространство. Со временем, совершенно другие расклады. Тут-то и пригодился демиургов кристалл. Соответствующая подпитка чудо – кристалла аурой Всеслава, плюс, активированный таким же образом и моей кровью генератор порталов, –

вот компонентный состав и формула пространственно – временного преобразователя направленного действия.

Теперь оглядываться и рассматривать жилище будущего выпало Всеславу. Чем он и занялся, пока я проверял работоспособность капсулы, отозвавшейся довольным урчанием сервомоторов на мое прикосновение к кнопке включения.

– Ничего не хочешь мне сказать? – Всеслав, вдоволь налюбовавшись серым интерьером и унылым размытым пейзажем за окном, оторвал меня от проверки капсулы. – Это то, о чем говорил Демиург?

Я молча кивнул.

– А как эта способность у тебя появилась? Забыл, или не захотел поделиться?

Я некоторое время покопался в коконе, обдумывая с чего начать.

– Все не так просто... – наконец решился я, хотя последние дни показали, что все еще сложнее, чем я думал. – Ладно, слушай!

Мы прошли на кухню и за чаем, я рассказал ему факты, пропущенные в прошлой беседе. Про вампирство Дианы из Мира, (о той Диане, которая должна вот-вот родить меня на Земле, Всеслав и сам ничего не знал) показал артефакты, переданные ею для моего путешествия в резиденцию де Смодонти. О своих опасениях перевоплотиться в вампира при посещении Мира. Рассказал сны о викингх, виденные в реале и виртуале, о своих похождениях на озерах и зага-

дочной ведунье.

– Вот, в общем-то, и все. Не так уж и много... Жаль только, у Демиурга не догадался совета спросить, как дальше во всей этой истории с короной поступить.

– Да... Немного, но весомо, – уронил Всеслав, разглядывая печать на свитке. – «POTENTIA IN SANGUINEM» – сила в крови... Справедливый девиз. Чего не скажешь про имеющих его на гербе. К сожалению... А карточки для чего?

– Собственно говоря, это универсальные кредитки. Именные. Мои. Из Мира.

– А это – порталный свиток? – догадался Всеслав, держа свернутый в трубочку пергамент за печать на веревочке.

– Осторожно! Не сломай, не то перенесешься в зал приемов Десмод Холла. После всех событий описанных тобой, думаю, тебя там будут просто счастливы видеть!

– Да, уж... – он осторожно положил свиток обратно в шкатулку. – Он, как это правильно сказать, одноместный? На одного человека, или несколько?

– Не знаю, по правде говоря. Думал попробовать с Верой вдвоем к матери портануться, потом, когда ее найду.

– Интересно... Ты собирался в отделившийся «Мир» с ней? С матерью знакомить?

– Говорю же – не знаю! Не понял пока до конца. Может быть но, скорее всего, – нет.

– А ты еще жил с Верой, когда принесли шкатулку?

– Уже нет. Она уехала до того. Кстати, ты мне так и не рас-

сказал, откуда она взялась. Шкатулка эта. Ты же ее сразу узнал, как только увидел, – поменял тему разговора я. В своем монологе – исповеди в замке Демиурга, Всеслав не упомянул о роли переданного мне матерью артефактосодержащего ларца.

– Да, действительно, упустил, – почесал он в затылке, – ну хорошо! Дело было так.

Он поведал мне историю загадочной покупки. Описал реакцию матери на кольцо и шнуры для хендфастинга. Выразил неискреннее недовольство (было видно по той нежности, сквозившей в его голосе при упоминании имени матери, как он по ней соскучился) тем, что его без него женили, эти загадочные доброжелатели, которые категорически не захотели оказаться обнаруженными и отблагодаренными, вплоть до огненного заметания следов.

– А ведь ты до сих пор любишь ее! – констатировал я, после завершения его рассказа. Всеслав покраснел и, ничего не возразив, отвернулся.

– Да. Без нее я, как тот неполноценный андрогин, жив только наполовину... – признался он через время. – Но, к сожалению, это ничего не меняет!

– Думаю, – ты не прав! – излишне эмоционально не согласился я. – Это меняет все! Если ты, помня как с тобой поступили ее отец и брат, зная, кем и чем она является сейчас, по-прежнему любишь ее... Значит есть еще шанс на примирение! Тем более что, не было никакой твоей измены, и зна-

чит, нет перед ней никакой твоей вины!

Я отстраненно проанализировал свои эмоции и пришел к выводу, – все правильно, так и должно быть! К Всеславу я испытывал смешанное чувство, пока не принимая до конца факт его отцовства, но он мне нравился. А мать? Матери я еще не видел, но она – мама! А мама с папой, должны быть вместе! Это постулат для любого счастливого ребенка, которым подсознательно, не взирая на возраст, я начинал себя ощущать в свете последних событий.

– Ладно, замяли... Время покажет. Ты лучше вот что скажи, – решил вернуть разговор в прежнее русло Всеслав. – Ты говорил, что Вера много времени проводила в виртуале?

– Да она там, чуть не умерла от истощения! Немного позже вернулся бы, и все.

Всеслав помолчал, задумавшись.

– Ты говорил, что она плохо выглядела, когда ты ее нашел. Насколько плохо? Ничего не привлекло внимания?

– Конечно! Такое и представить тяжело, – вся в пролежнях и синяках. Старых и свежих. Шея, грудь и руки в незаживших царапинах. Я не очень внимательно ее рассматривал, впал в какой-то ступор. Помню только, что пока ожидал «скорую», она пришла в себя и стонала. Глаз не открывала, только стонала вот так: «И-и-х, и-и-х!». Вроде как что-то сказать на вдохе пыталась.

Всеслав снова задумался, постукивая пальцами по столешнице.

После чая захотелось есть. Может быть, в «Жареного Цыпленка» пойти перекусить? Хотя аппетит тут же пропал. Перед глазами стояла сцена выноса носилок с Верой, ее свисающая кисть, безвольно колышущаяся в такт шагам санитаров. Отогнав видение, я все-таки поинтересовался:

– Всеслав, как ты насчет пообедать? Тут недалеко есть неплохое кафе.

– Пожрать, – это завсегда не зря будет, – по-прежнему занятый своими мыслями согласился он.

В кафе кроме нас никого не было. Время бизнес – ланча прошло, и столики сияли опрятной чистотой. За стойкой флегматично драил очередной хайбол невозмутимый бармен Коста.

Мы заняли столик в дальнем углу с видом на улицу и сделали заказ приветливо улыбнувшейся официантке. Солянку и картошку по-селянски со свиной отбивной ели молча. Всеслав по-прежнему пребывал в задумчивости. Только когда подали кофе и круассаны, он принюхался, смешно и хищно поводя носом, откусил больше половины рогалика и с набитым ртом произнес:

– Тфоя мать сфвязана с исчезнофением Феры из больницы!

Я поперхнулся кофе, которое от кашля пошло носом. Всеслав участливо похлопал меня ладонью по спине.

– С чего ты взял? – носовой платок упорно не хотел находиться, хотя я точно знал, – он лежит во внутреннем кар-

мане.

– Извини, не думал, что ты так отреагируешь, – он подал мне свой носовичок, быстро проглотив мешавший говорить кусок. – Есть у меня такие подозрения... Но прежде чем делать окончательные выводы, мне надо попасть в «Мир». Хочу посмотреть игровые логи. Какой ты говоришь, у нее ник?

– «RealBrightJoy». После больницы, она только один раз появлялась в «Мире». И ушла. Ее там нет.

– Плохо искал. Или нет?

– Искал... – вот уж, елки-палки! Снова упустил! Не рассказал про свой квест, в результате которого я узнал о наличии червоточины из «Мира» виртуального, в отделившийся «Мир».

– Что ты хочешь найти в логах? И кстати, если сможешь до них добраться и все-таки найти следы Веры, выясни, куда, в какое место она зашла и больше не вышла, – как ни в чем не бывало, попросил я.

Всеслав поперхнулся кофе.

– К-х, к-х! Не понял! Как не вышла?

– Ну, в смысле – она вышла из «Мира», ник серый. Но не в реал, а в тот другой «Мир», Та Суил, как его назвал посланец матери рога Шиммерман.

– И ты молчал? – возмутился Всеслав. – Значит, остался проход между расколовшихся частей, и Вера прошла по нему!

Быстро он ухватил суть!

– Или застряла в нем... – помрачнел Всеслав. – Короче! Кровь из носу, мне надо в «Мир»! Срочно! Не нравятся мне эти червивые норки! Что-то не складывается! Блин! Не подумал сразу! Надо было комп из дома забрать с набором погружения. Блин! Ладно, что мы имеем? Вопрос первый – как мне попасть в виртуал? Как я понял, аккаунт всегда привязан к ID карте, которой у меня нет. Так?

Я кивнул, соглашаясь.

– Заходить твоим персом, толку нет. Интерфейс у него не тот. Какие еще варианты? Кстати, как у вас тут подключение к Инету организовано?

– Стандартный wli-fi, скорость три терабита. Есть еще «loc-fi», – там порядка пятидесяти, но он сильно дорогой и только стационарное подключение. Для дома влай-фая хватает с головой. Сматруютчи на 9Gturbo работают...

– Извини мою отсталость, но что это за звери такие? У нас, вай-фай, всего триста мегабит выдает, а хваленая 4G и до гига не дотягивает.

– Wli-fi от «whirl light», через световые вихри работает, а «loc-fi» лазером по оптоволоконному кабелю. Ну а 9GT, наверное, то же самое, что и ваш 4G, только раз в тысячу быстрее.

– Нормально... Значит мое железо здесь бесполезно, – резюмировал Всеслав. – Не подключу. Интерфейсы обмена и протоколы не совпадут.

Официантка пришла за посудой, и я попросил принести

еще по чашечке кофе вместе со счетом.

– Другие варианты? Мне нужен только доступ в «Мир», учетки у меня там есть, блин, точнее – были! Интересно, уцелели или нет? Может знакомый, какой есть, который не играет, чтобы к его карте аккаунт привязать?

– Знакомый-то есть, только боюсь я, – мы его можем подставить случайно, – я подумал о Диме. И тут я вспомнил про умельца, который капсулу под Веру перепрошивал. Нет, все равно карта нужна. Как там его фамилия, черт, забыл. Мне же тогда из «Мира» звонили, сообщили, что нашли виновника и... Невасин, Непетин... О, точно! Нефедов. Нефедов Иван.

– Сейчас, – я полез в смартуотч. Всеслав с интересом наблюдал за моими манипуляциями. Так, поиск. Фамилия, имя, город, последнее место работы. Ага! Есть!

Я набрал найденный номер. Долго не отвечали, потом зашпанный голос просипел:

– Алло...

– Иван? Добрый день! Меня зовут Антон, вы у меня капсулу устанавливали, приезжали от «Мира»...

– Я там больше не работаю, – отрезал он.

– Мне надо...

– Я же сказал, я там больше не работаю! – возмутились на том конце. – Обращайтесь в «Мир»!

Он дал отбой.

Всеслав выжидательно смотрел на меня.

– Этот кадр, как-то перепрограммировал мою капсулу под Веру. С работы вылетел, не хочет разговаривать.

– Набери и дай мне поговорить, – он протянул руку в ожидании.

Я снял смартуотч, набрал номер, включил громкую связь и передал Всеславу. Ответа не было еще дольше, чем в первый раз, но я ждал и, видимо, достал-таки Нефедова, своей наглой настойчивостью.

– Я же Вам сказал! Я там уже... – разнеслось на все кафе, я быстро убавил громкость, чтобы не привлекать внимание персонала.

– Есть работа, Иван! – вклинился в его монолог Всеслав. Собеседник на том конце замолчал, шумно засопев и шепотом матерясь в сторону. Через пару секунд, переборов свое раздражение Иван произнес:

– Слушаю...

– Если нужна работа, через час жду... Где мы его ждать будем? – спросил Всеслав меня.

– В кафе, на углу Тригубовской и Экзюпери.

– Я не успею! – донеслось из смартуотча.

– Постарайся, – елейным голосом проворковал Всеслав, – тогда я буду знать, что хорошая работа тебе точно нужна!

– Ладно, попробую... – пробурчал Иван, давая отбой.

Я приложил чек, принесенный официанткой к смартуотчу, подтвердил оплату и оставил позеленевший чек на столике.

Не торопясь, покинули кафе и, завернув за угол, прошли к калитке в забранной решеткой арке, ведущей во внутренний дворик симпатичного двухэтажного домика. Две капли крови на генератор порталов, и мы входим в кованые ворота парка отдыха в нашем родном городе.

Медленно прогуливаясь по дорожке проходящей весь парк насквозь, молчали, размышляя каждый о своем.

Оказалось неожиданно многолюдно: на широких скамейках разбросанных тут и там сидели молодые мамы, увлеченно щебеча и заботливо покачивая время от времени коляски размытых расцветок. Пара пенсионеров о чем-то возбужденно дискутировала, тыкая узловатыми пальцами в планшеты и показывая их по очереди друг другу. Сбоку, вдоль невысокой ограды бегали молодые люди в спортивной одежде, а энергичные бабушки с лыжными палками бодрым шагом пытались догнать свои былые здоровье и красоту.

– Я думал, это у меня после перехода потеря цветопередачи, но нет, – сказал Всеслав, присаживаясь на свободную лавочку. – В чем проблема?

– Проблема? Ты уже спрашивал, когда мы у тебя дома были. Это та самая сепия, о которой я говорил. После отделения Та Суил так стало. Что-то изменилось. Может быть, спектральный состав солнечного света? Не знаю. У нас это обсуждать не принято. Табу.

– Ясно.

Посидели немного молча.

– А если попробовать магию крови, чтобы попасть в Та Суил? – озвучил я интересовавший меня вопрос.

Всеслав лениво жмурился на солнечные лучи, пробивающиеся сквозь листву старых лип.

– Боюсь, ничего не получится. «Мир» не материален. Иначе он не разделился бы на две части. В смысле, Та Суил не смогла бы отделиться. Хотя... Может быть я не прав, чего-то недопонимаю, и у него были другие резоны. Что мешает попробовать?

Вскоре к нам подошел высокий мужчина, лет сорока, в коричневом костюме с синим галстуком, плохо расчесанной шевелюрой и слегка помятым лицом. Посмотрел на нас, оглянулся вокруг, и не обнаружив никого, более достойного внимания, обратился:

– Это вы насчет работы звонили?

– Мы. Присаживайтесь, Иван, – Всеслав указал на свободное место.

– Молоды вы слишком для работодателей, – засомневался он, присаживаясь на краешек лавочки.

Всеслав улыбнулся.

– Как-то сказал кто-то из великих: «Молодость – это недостаток, который быстро проходит». Вы же не возраст пришли обсуждать?

Иван насупился, нахохлился мокрым воробьем.

– Хорошо, я Вас слушаю. Внимательно.

Всеслав посмотрел на него оценивающе.

– О Вас, как о знающем специалисте, отзывалась одна наша общая знакомая. Вера. Вы ей карту под чужой аккаунт прошили.

– У меня таких знакомых... – осекся Иван, вскакивая. – Не знаю я никакой Веры!

Он развернулся, собираясь уходить.

– Пойдите! Никаких претензий! Нам, точнее мне, нужна Ваша помощь, – быстро и проникновенно произнес Всеслав. – Я хорошо заплачу!

Иван обернулся.

– Я больше в эти игры не играю!

– Жрать хочешь, – значит, играешь! – неожиданно жестко, срываясь с лавочки рыкнул Всеслав, подскочил к нему, весь подобрившись, и зыркнул на Ивана так, что тот вобрал голову в воротник. Казалось – еще мгновение и он отвесит ему тяжелый подзатыльник, или просто даст прямым в челюсть.

– Де-ень-ги, – мгновенно расслабившись, тоном артиста, с придыханием протянул Всеслав. Я же, в свою очередь удивился перемене произошедшей с ним. Мне он казался простым и бесхитростным, даже скорее, – простоватым, и эта сторона его личности, мне оказалась неожиданно неприятна. Я бы, например, так не смог. Он же, в ответ на мое недоумение, криво подмигнул, и грозно сдвинул брови, мол, так надо.

Было видно, как в Иване борются страх попасться снова, и жажда неплохо подзаработать. Мучительные гримасы лица

говорили лучше слов.

– Черт! Сколько? И что надо сделать? Только одно условие – никакого криминала по госструктурам! – обессиленный внутренней борьбой затараторил он, падая задом на скамейку. – Только частные сети!

– Мне нужно попасть в «Мир» без ID карты. А сколько? Ну, скажем, тысяча, – предложил Всеслав.

– Пять! – не раздумывая, отрезал Иван.

– Две, – так же отрезал Всеслав.

– Три с половиной! Мое последнее слово! – Иван откинулся на спинку скамейки и упрямо посмотрел, почему-то, на меня.

– Хорошо, – покладисто согласился Всеслав, – но у меня тоже одно условие, – мне подключение нужно уже вчера.

– Завтра. Мне надо найти чистую, не засвеченную карту. По-другому, никак, – он развел руками. – Только завтра.

– Добро, – не стал возражать Всеслав. – Говорите адрес, где Вас ждать?

– Зачем адрес? Нет у меня никакого адреса! Я сюда приду.

– Тогда завтра здесь, – снова покладисто согласился Всеслав, – во сколько?

Нефедов помялся, все еще сомневаясь.

– В полдень.

– Договорились, – протянул ему руку Всеслав, поднимаясь со скамейки. – В полдень. Не опаздывайте, до свидания, Иван!

Мы пожали друг другу руки и распрощались. Когда тот ушел, а мы направились к моей риэлтерской конторе, Все-слав, спросил:

– Что-то не так?

– Ты был не такой, как обычно.

– В смысле? Какой такой – не такой?

– В тебя как будто стержень стальной вставили, и хищный зверь выглянул какой-то.

– Не переживай, – грустно улыбнулся он, – это просто война!

И видя мое непонимание, пояснил:

– Насмотрелся я на войне на раздолбаев, и узнаю их теперь с первого взгляда. Раздолбай, плох тем, что не только сам погибает но, что намного хуже – других подставляет. С ними только так! По-другому не понимают. Иногда надо бить. Больно. Ему повезло, не выпросил! Прости, если разочаровал...

Плечи его поникли, а в глазах плескалась усталость и боль. А я, такой весь из себя крутой экстремал, прошедший, как я считал, и Крым и Рим и Иерихонские трубы, вдруг осознал, что он действительно вдвое старше меня, и мудрее. И не важно – причуды времени это, или последствия «синдрома войны». Просто – так есть, и всё. Мне стало стыдно.

– Не бери в голову, говорю! – он хлопнул меня по плечу. – Главное, чтобы Иван сделал все так, как надо, раздолбай!

Он невесело рассмеялся.

Риэлторы подыскали две подходящих мне квартиры. Учитывая появившегося нового жителя, арендовал ту, которая побольше. Еще в этот день, успели смотаться на склад, где хранились вещи из моей предыдущей берлоги, в том числе и капсула, и заказали доставку на завтра, на девять утра. Да, еще позвонил в офис «Мира», и на 10.00 согласовал подключение капсулы. Ночевали на новом месте. Хорошо, хоть два кресла раскладных, в новой квартире оказались.

VII

«Уже поздно возвращаться назад, чтобы всё правильно начать, но ещё не поздно устремиться вперёд, чтобы правильно закончить».

Ошо.

Всеслав.

Земля 2043 г.

Да, я забыл сказать, – перед тем, как покинуть 2020 год, я отдал ключи от квартиры Лехе. Теперь они там вдвоем с его ненаглядной Настей обитают. Как пользоваться оборудованием я ему показал. Разобрался он быстро, и не скажешь что деревня, молодой – неотесанный, только десятилетку и окончивший, – схватывает все на лету, чего бы не упало. Как голодная чайка в фарватере рыболовецкого баркаса.

Вселение, подключение капсулы и расстановка мебели прошли по графику. Все сработали безукоризненно и профессионально. До выхода на встречу с Нефедовым мы успели даже позавтракать.

К моему удивлению, Иван пришел строго в договоренное время, без опозданий, выбритый и сосредоточенный. Предложил, не откладывая в долгий ящик, поспешить и заняться делом. Такой подход мне импонировал и перемена, произошедшая с вчерашним раздолбаем приятно порадовала. Я рассчитывал не только на его помощь в сегодняшней актива-

ции аккаунта, но и на дальнейшее сотрудничество. Мне нужны были доверенные люди в каждой точке приложения усилий. Для наблюдения, сбора информации и выполнения разных поручений, так как я, готовясь всерьез впрячься в данное Демиургом поручение, не имел ни малейшего понятия о том, куда меня забросит буквально через несколько минут, и не хотел тратить драгоценное время на уяснение ситуации после каждого перемещения. Достаточно будет понять, где ты оказался, и пообщаться со своими информаторами. В моем времени, в том «Мире», таким информатором будет Леха, а здесь я надеялся на согласие Ивана.

Он оказался не против поработать на меня за стабильную тысячу в месяц, просто проводя время в виртуале, собирая необходимые мне данные, и самое главное – слухи, имеющие неотъемлемое свойство сбываться. Их я не вытаску не из каких логов, хотя в самое первое посещение местного «Мира», придется все узнавать самому.

– Мой ник «RolyPoly», – радостно сообщил Иван, пряча в карман наличку за подстройку капсулы. – Проверяйте, – все работает как часы. А как я Вас узнаю в игре?

– Не факт, что я буду часто появляться. Я сам найду тебя, скину сообщение в личку, сообщу, где и когда встретимся.

Антон выпроводил довольного Ивана за дверь и, вернувшись, сел в кресло напротив, закинув ногу на ногу.

– Что дальше?

– Дальше, я пойду в «Мир». Было бы две капсулы, ты

мог бы увидеть кое-что интересное, а так пойду сам. На разведку.

– Я понял, завтра будет вторая капсула, – на его лице читалось желание пойти со мной.

– Завтра, будет завтра. А сегодня, мне надо идти. Прости! Я разделся и забрался в приятное на ощупь нутро кокона. По ходу действия, внутрь может подаваться компенсирующий гель, и прочие необходимые прибабасы перманентного жизнеобеспечения. Такой конструкции я не видел, но качество исполнения девайса, внушало уверенность и чувство безопасности.

Мои учетки оказались живы и работоспособны. Конечно, я выбрал тень с ником «Perkysha», – привлечь излишнее внимание мне было не с руки. И это пока, единственная хорошая новость. Все увиденное позже, напомнило об узурпаторах и вызвало глухой рык в глубине меня, прежде такого мягкого и податливого, чему я и сам неожиданно удивился.

Появился я в остатке «Мира», сразу в начальной локации. Минуя ясельную и подростковую зону. Опрос стражников, несущих службу у резиденции градоначальника, прояснил отсутствие здесь яслей и других безопасных буферных зон, – их давным-давно убрали за ненадобностью. Сам Наместник Короля Гордона I, граф Игравит Безжалостный, управляющий этой частью королевства, издал соответствующий указ и лично проследил за сносом всего непотребного в подопеч-

ной локации.

Все немногочисленные «пришельцы», как их называют местные, появлялись здесь, неподалеку от ратуши Розы Ветров и разбегались за пару минут по своим делам. Монотонность ежедневных дежурств изредка нарушали пестрые компании пришельцев, появлявшиеся почти одновременно в воротах портала и, видимо, не успевшие разрешить свои конфликты интересов в других местах. Они сталкивались между собой в коротких яростных схватках, после которых на мостовой оставались быстро исчезающие посмертные облачка, и снова разбегались до случая.

Пресекая разборки подобного рода, городской страже приходилось вмешиваться, излавливая и выдворяя в пределы круга возрождения самых активных участников, с запретом входа в город до семи дней. Или приходилось прибегать к публичной порке плетями самых неугомонных из них у столба наказаний на центральной площади города. Более благоразумные персонажи ретировались заблаговременно, предпочитая зайти в игру позже.

Следующим отличием оказалось полное отсутствие учебных заведений. В Розе Ветров остались только здания некоторых гильдий, торговые лавки, кузница, дома терпимости, таверны с постоялыми дворами, здание городской администрации с приткнувшейся рядом унылой биржей и, в общем-то, все. Очень сильно урезанная версия Розы Ветров из моего «Мира», в которой, кроме того, были: школа магии,

школа боевых искусств, несколько гильдейских профессиональных школ крафтеров, здание социальной службы, здание налоговой и таможенной служб, муниципальная поликлиника для всех, и спорткомплекс с бассейном, спортивной площадкой, кортом и футбольным стадионом.

Зато появилось непонятное невысокое сооружение из грубого камня, внутри которого присутствовал толстый слой пепла, а по кругу стояли полдюжины виселиц, с наполовину иссохшими телами, болтающимися на ветру на грубых толстых веревках. Вокруг аутодафе я насчитал пять храмов как-то неизвестным мне богам.

Солнечный свет не радовал, оттенками серого обтекая несуразное нагромождение зданий, придавая им зловещий и печальный вид. Казалось, каким-то образом, сепия из реального мира добралась и сюда. Но, нет. Это только темная аура, конкретно этого места.

Народ, не поднимая голов, быстро перемещался по улицам, не вступая в разговоры и шарахаясь от меня в ответ на попытки задать вопросы. На соседних перекрестках, периодически мелькала красно-черная форма графских патрулей. Пока мне удавалось избегать встречи с ними но, моя удача могла быстро закончиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.